М 10 90

Проф. А. Н. Филиппов.

РУССКАЯ ПРАВДА

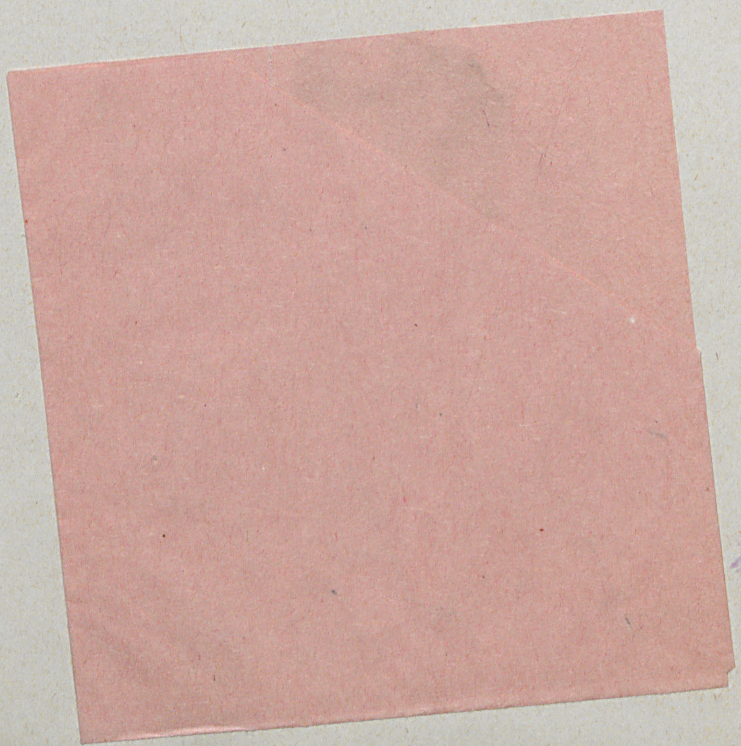
ВЪ

ИЗСЛѢДОВАНІЯХЪ НѢМЕЦКАГО УЧЕНАГО.

ЛИЧНАЯ
БИБЛІОТЕКА
ЗИМНІЙ
ДВОРЦА

H.3.
T
134
1
3

M 10/90

ЭБ
Архив

М 10/90

ПРОФ. А. Н. ФИЛИППОВЪ.

801-17/885

РУССКАЯ ПРАВДА

ВЪ

ИЗСЛѢДОВАНІЯХЪ НѢМЕЦКАГО УЧЕНАГО.

DAS RUSSISCHE RECHT

(РУССКАЯ ПРАВДА)

von

DR. LEOPOLD KARL GOETZ,

professor an der Universität Bonn.

МОСКВА.

1914.

Отдѣльный оттискъ изъ журнала «Юридическій Вѣстникъ» 1914 г., кн. VI (II).

ПУБЛ. БИБЛ. им. В. И. ЛЕНИНА СССР
ф. 331007

Типографія Г. Лисснера и Д. Совко.
Москва, Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. 9.

2012401628

Русская Правда въ изслѣдованіяхъ нѣмецкаго ученаго.

I.

Еще въ 1897 году въ Готѣ появилась работа проф. L. K. Goetz'a, посвященная исторіи славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меѳодія[1]). Съ тѣхъ поръ почтенный Боннскій профессоръ, — на ряду съ трудами по исторіи христіанской церкви на Западѣ («Leo XIII, seine Weltanschauung und Wirksamkeit, Die Busslehre Cyprians, Der Ultramontanismus als Weltanschauung» и др.) — продолжалъ обогащать, время отъ времени, нѣмецкую ученую литературу работами по исторіи христіанской культуры въ древней Руси[2]). Изъ этихъ работъ вниманіе русскаго историка права особенно привлекаютъ «Памятники древне-русскаго каноническаго права», изданные въ Штутгартѣ еще въ 1905 году. Затѣмъ, съ 1909 по 1913 годъ, — не оставляя своихъ занятій въ указанной области[3]), — почтенный ученый направляетъ свою пытливую мысль на изученіе Русской Правды, при чемъ сначала имъ издается переводъ Правды на

---

[1]) «Geschichte der Slavenapostel Konstantinus (Kyrillus) und Methodius» (Gotha, 1897 г.), VIII+272 стран.

[2]) 1) «Die Zusammensetzung der sogenannten «Похвала преподобному отцу Ѳеодосію Печерскому» (статья въ «Archiv für slavische Philologie von Jagič», т. XXVI, 2, 1903 г.); 2) «Das Kiever Höhlenkloster als Kulturzentrum des vormongolischen Russlands», Passau, 1904 г., изсл., XXXIV+242 стран.; 3) «Die Echtheit der Mönchsreden des Kyrill von Turow» (статья въ «Archiv für slav. Philologie v. Jagič», 1905 г., т. XXVII, 2; 4) «Kirchenrechtliche und Kulturgeschichtliche Denkmäler Altrusslands, nebst Geschichte des russischen Kirchenrechts» (Памятники древне-русскаго каноническаго права») въ «Kirchenrechtliche Abhandlungen», herausgegeben von Dr. U. Stutz (Stuttgart), 1905 г., X+404 стран.; «Staat und Kirche in Altrussland Kiever Periode 988—1240» (Berlin, 1908 г., X+214 стран.).

[3]) Напр., въ 1913 г. имъ напечатана статья «Zur Frage nach dem Umfang der Kirchlichen Gerichtsbarkeit in vormongolischen Russland» (въ «Zeitschrift für Osteuropeiische Geschichte», herausgegeben von Schiemann etc, 1913 г., т. XIII, 3), при чемъ названный авторъ дѣлалъ также экскурсы и въ область русской исторіи вообще (см., напр., ст. «Der Titel «Grossfürst in den ältesten russischen Chronisten», ibid., т. I, 2, 1910—11).

нѣмецкій языкъ, сопровождаемый многочисленными толкованіями, а потомъ 4 тома изслѣдованій нашего знаменитаго памятника права, въ которыхъ всесторонне и обстоятельно объясняется не только каждая его статья, но сводится воедино почти все важное, что давалось русскою наукою по отношенію къ этому памятнику. Нашъ послѣдующій разборъ и будетъ касаться изслѣдованій проф. Гётца о Русской Правдѣ, но, предварительно, намъ хотѣлось сказать, хотя бы нѣсколько словъ, о вышеназванныхъ «Памятникахъ древнерусскаго каноническаго права». Нельзя не признать крайне удачною мысль проф. Гётца, — прежде изученія Русской Правды, — углубиться въ изученіе древне-русскихъ каноническихъ памятниковъ права. Какъ бы мы, — положительно или отрицательно, — ни относились къ вопросу о вліяніи византійскаго права на Русскую Правду, та широкая постановка, которую даетъ авторъ всѣмъ своимъ построеніямъ въ области стародавнихъ нашихъ юридическихъ правовоззрѣній, только выигрываетъ въ своей цѣнности отъ изученія имъ какъ древне-каноническихъ памятниковъ, такъ и Русской Правды, Въ частности, нельзя не отмѣтить, что почтенный нѣмецкій ученый свое изданіе «Памятниковъ древне-русскаго каноническаго права» (озаглавленное по-нѣмецки «Kirchenrechtliche und kulturgeschichtliche Denkmäler Altrussland» и пр.) разсматриваетъ какъ дальнѣйшую предварительную работу («eine weitere Vorarbeit») къ предполагаемому имъ труду «Христіанство и культура въ Кіевской Руси» (Christentum und Kultur im Kiever Russland). Эта «предварительная работа» распадается на двѣ части: въ первой — авторъ даетъ простой переводъ изъ «Курса церковнаго права» нашего знаменитаго канониста А. С. Павлова (изданнаго И. М. Громогласовымъ въ 1902 г.), что уже само по себѣ говоритъ за его ученую осторожность и скромность. При этомъ онъ добавляетъ къ указанному переводу обстоятельныя библіографическія данныя, какъ по изданію памятниковъ каноническаго права, такъ и по ихъ изслѣдованію, а затѣмъ даетъ нѣмецкій переводъ церковнаго устава Св. Владиміра. Вторую часть труда составляютъ слѣдующіе памятники каноническаго нашего права, изданные съ параллельнымъ, гдѣ возможно, греческимъ и древне-русскимъ текстомъ, а равно и нѣмецкимъ ихъ переводомъ: 1) каноническіе отвѣты митрополита Іоанна II (1080—1089 гг.); 2) вопросы Кирика, Саввы и Иліи, съ отвѣтами Нифонта, епископа Новгородскаго и другихъ іерархическихъ лицъ 1136—1156 гг.; 3) поученіе архіепископа Новгородскаго Иліи — Іоанна. Каждый памятникъ, помимо перевода на нѣмецкій языкъ, сопровождается обстоятельнымъ «введеніемъ», а текстъ — комментаріями, гдѣ ука-

зываются разночтенія, объясняются малопонятныя слова и выраженія, отмѣчается попутно отношеніе тѣхъ или иныхъ нормъ памятника къ западно-европейскимъ родственнымъ нормамъ и т. д. Переводъ памятниковъ обнаруживаетъ въ авторѣ большого знатока древне-русскаго языка, а обширная эрудиція въ области русской спеціальной литературы даетъ ему возможность пользоваться, — при объясненіяхъ тѣхъ или иныхъ мѣстъ текста, почему-либо спорныхъ, — всѣми тѣми данными, какія указываются нашими учеными. Конечно, тотъ или другой переводъ темныхъ словъ и выраженій издаваемыхъ авторомъ памятниковъ можетъ подлежать оспариванію, но, въ цѣломъ, изданіе автора имѣетъ большой научный интересъ не только для западно-европейскихъ, но и для русскихъ историковъ-канонистовъ; не-спеціалисты же, думается намъ, во всякомъ случаѣ легче поймутъ нѣмецкій, чѣмъ древне-русскій, текстъ изданныхъ памятниковъ. Работы проф. Гётца въ области древне-русскаго каноническаго права и другихъ, близкихъ къ нему, вопросовъ нашли себѣ уже признаніе въ русской ученой литературѣ [1]) и, если мы о нихъ упоминаемъ здѣсь кратко, то дѣлаемъ это лишь потому, что работы эти наглядно характеризуютъ широту подготовки автора къ изученію тѣхъ проблемъ, какія онъ себѣ ставилъ при изслѣдованіи Русской Правды.

Обращаясь къ изслѣдованіямъ проф. Гётца о нашемъ знаменитомъ памятникѣ права, замѣтимъ прежде всего, что и эти изслѣдованія частью уже были предметомъ рецензій нашихъ ученыхъ. Такъ, еще въ 1911 году маститый историкъ русскаго права М. Ф. Владимірскій-Будановъ помѣстилъ въ Кіевскихъ «Университетскихъ Извѣстіяхъ» рецензію на I томъ, вышедшую затѣмъ отдѣльною брошюрою [2]); въ томъ же году объ этомъ томѣ высказалъ свое мнѣніе академикъ М. А. Дьяконовъ [3]); въ слѣдующемъ году — I и II томъ изслѣдованій проф. Гётца дали поводъ къ рецензіямъ

---

[1]) См., напр., В. С. Иконникова, Опытъ русской исторіографіи», т. II (Кіевъ, 1908 г.), ч. I, стран. 954; ч. II, стран. 1697; «Извѣстія Имп. Академіи Наукъ», т. XIII (1908 г.), кн. 4; «Труды Кіевской Духовной Академіи», (1909 г.), мартъ; «Чтеніе Общ. Нестора Лѣтописца», т. XVIII, вып. III и IV; «Богословскій Вѣстникъ», 1909 г., февраль. Замѣтимъ кстати, что, по совокупности всѣхъ трудовъ его въ области русской исторіи и права, — Совѣтъ Кіевскаго университета присудилъ недавно проф. Гётцу степень доктора honoris causa; Московское общество исторіи и древностей россійскихъ избрало его своимъ дѣйствительнымъ, а Имп. Московскій археологическій институтъ — своимъ почетнымъ членомъ.

[2]) «Das Russische Recht — Русская Правда» (Кіевъ, 1911 г.).

[3]) Prof. Dr. Goetz, L.-K., Das Russische Recht (Русская Правда), I Band (въ «Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ», т. XVI (1911 г.), кн. 1.

А. Е. Пръснякова и А. В. Флоровскаго[1]), при чемъ, впрочемъ, послѣдній имѣлъ цѣлью дать не «разборъ и оцѣнку воззрѣній новаго изслѣдователя Русской Правды», а лишь «изложеніе, въ возможно-сжатой формѣ, существенныхъ его наблюденій относительно подробно и тщательно разобранныхъ и истолкованныхъ имъ первыхъ двухъ редакцій памятника» (стран. 22), что̀, разумѣется, также не лишено извѣстнаго интереса; второму тому затѣмъ была посвящена II рецензія проф. М. Ф. Вл.-Буданова (Универс. изв., 1912 г., № 10). Что же касается III и IV томовъ обширнѣйшаго труда проф. Гётца, то они еще ждутъ своей оцѣнки въ русской ученой литературѣ, и мы увѣрены, что она не замедлитъ явиться вскорѣ. Замѣтимъ при этомъ, что всѣ указанные авторы, дѣлая тѣ или иныя возраженія противъ отдѣльныхъ выводовъ и толкованій автора, отдаютъ, въ общемъ, дань справедливости его труду. Намъ лично представляется вполнѣ возможнымъ присоединиться къ заключенію проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, что «русскіе ученые всегда будутъ благодарны автору, какъ компетентному піонеру въ дѣлѣ ознакомленія своихъ соотечественниковъ съ русскимъ правомъ и его исторіею» (стран. 24).

Въ дальнѣйшемъ нашемъ разборѣ изслѣдованій проф. Гётца о Русской Правдѣ мы коснемся тѣхъ сторонъ этихъ изслѣдованій, которыя были затронуты мало, или не затронуты были вовсе, указанными выше рецензіями. Это обстоятельство заставляетъ насъ коснуться, хотя бѣгло, основныхъ возраженій, въ нихъ сдѣланныхъ, чтобы затѣмъ перейти къ изложенію нашихъ собственныхъ замѣчаній, вызванныхъ трудами проф. Гётца.

Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ начинаетъ свой разборъ указаніемъ на то, что проф. Гётцъ «владѣетъ въ совершенствѣ языкомъ нашихъ памятниковъ и знаетъ почти всѣ произведенія печати, посвященныя истолкованію этихъ памятниковъ». Затѣмъ авторъ рецензіи указываетъ, что проф. Гётцъ «даетъ крайне своеобразную постановку вопросу о происхожденіи Русской Правды, а попутно и о многихъ предметахъ ея содержанія». Это обстоятельство и заставляетъ названнаго ученаго отозваться о книгѣ проф. Гётца. Въ своемъ отзывѣ проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ прежде всего ставитъ вопросъ, почему для перепечатки и перевода Русской Правды проф. Гётцъ взялъ извѣстное ея изданіе В. И. Сергѣевича? Авторъ рецензіи находитъ возможнымъ поставить этотъ вопросъ потому,

---

[1]) Рецензія А. Е. Пръснякова помѣщена въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.», 1912 г., ноябрь, рецензія А. В. Флоровскаго вышла отдѣльно подъ заглавіемъ «Новый взглядъ на происхожденіе Русской Правды» (Одесса, 1912 г.).

что онъ стоитъ «въ нѣкоторой связи съ главною темою автора». Разобравъ затѣмъ всѣ особенности изданія проф. В. И. Сергѣевича и отмѣтивъ попутно вліяніе этого изданія на толкованія проф. Гётца (стран. 2 и сл.), авторъ разбора оспариваетъ прежде всего мысль проф. Гётца «о совершенной отдѣльности древнѣйшей Правды отъ двухъ послѣдующихъ», не соглашаясь видѣть въ извѣстномъ разсказѣ лѣтописи объ умноженіи разбоевъ на Руси и объ отношеніи къ этому вел. кн. Владиміра и епископовъ[1]) указаніе на какой-то «переворотъ» въ исторіи нашего права, какъ это доказывается проф. Гётцомъ. По мнѣнію почтеннаго автора рецензіи, «такого переворота въ исторіи русскаго права тотчасъ по принятіи русскими христіанства не произошло, что ни Владиміръ, ни Ярославъ, ни даже многіе изъ преемниковъ ихъ не могли еще реформировать это право въ какой-либо рѣшительной степени, что вліяніе христіанскихъ и византійскихъ идей совершалось постепенно въ теченіе многихъ послѣдующихъ вѣковъ, когда продолжало царствовать двоевѣріе и двоеправіе». Проф. Гётцу нужно было «утвердить мысль о глубочайшей древности I Правды (можетъ быть, VIII вѣкѣ по Р. Х.)», почему онъ и настаиваетъ на переворотѣ при Св. Владимірѣ, на что авторъ рецензіи основательно возражаетъ (стран. 12 и сл.). Не оставляетъ нашъ историкъ права безъ возраженія и «незаслуженнаго обвиненія» въ томъ, что имъ будто бы допускалось смѣшеніе постановленій разновременныхъ Правдъ: «ни теперь, ни прежде мы этого не дѣлали и не дѣлаемъ», справедливо замѣчаетъ проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ; «мы привлекаемъ позднѣйшіе факты къ изъясненію недосказаннаго въ болѣе древнихъ памятникахъ, а отнюдь не смѣшиваемъ ихъ» и доказываетъ, почему такой пріемъ допустимъ (стран. 20 и сл.).

Въ конечномъ выводѣ, русскій ученый не соглашается съ нѣмецкимъ, что «I Правда отдѣлена отъ двухъ послѣдующихъ громаднымъ промежуткомъ времени и совершенно инымъ смысломъ постановленій ея. Напротивъ, всѣ три Правды составляютъ цѣпь узаконеній, тѣсно связанныхъ одно съ другимъ и развивающихся одно изъ другого безъ скачковъ». Вопреки утвержденію проф. Гётца о глубочайшей древности I Правды, авторъ рецензіи остается «при убѣжденіи, что I Правда есть сборникъ временъ Ярослава, что

[1]) «Живяше же Володимеръ въ страсѣ Божіи и умножишися (зѣло) разбоеви: и рѣша епископи Володимеру: се умножишася разбойници: почто не казниши ихъ? Онъ же рѣче имъ: боюся грѣха. Они же рѣша ему: ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованіе; достоинъ ти казнити разбойника, но со испытомъ. Володимеръ же отвергъ виры, нача казнити разбойники. И рѣша епископи и старцы: рать много, оже вира, то на оружіи и на конихъ буди. И рѣша Володимеръ: тако буди. И живяше Володимеръ по устроенію отню и дедню».

въ ней ясны слѣды законодательной и уголовно-карательной дѣя тельности князей и что поэтому нѣтъ надобности относить ее къ незапамятной до-рюриковской древности» (стран. 24). Касаясь II тома «Русской Правды» проф. Гётца, М. Ф. Вл.-Будановъ останавливается на вопросѣ о происхожденіи 2-й редакціи, въ виду того, что разбираемый авторъ дѣлаетъ по этому поводу выводы, «идущіе въ разрѣзъ съ общепринятыми въ русской ученой литературѣ мнѣніями». Въ немногихъ словахъ изображая выводы проф. Гётца о происхожденіи 2-й редакціи, скажемъ, что, по автору, «вторая редакція является по отношенію къ первой совершенно самостоятельнымъ произведеніемъ, котораго содержаніе исходитъ изъ другихъ юридическихъ положеній, чѣмъ таковое-же первой». По автору даже, съ этой точки зрѣнія, невполнѣ правильно, быть можетъ, говорить о 1-й и 2-й редакціи нашей Правды, такъ какъ мы имѣемъ передъ собою не двѣ редакціи одного и того же содержанія, но два различныхъ произведенія» (II, 227 стран., и сл.). По справедливому замѣчанію проф. М. Ф. Вл.-Буданова, «до сихъ поръ въ русской историко-юридической литературѣ стояло твердо установленное положеніе: вторая Правда есть сборникъ узаконеній дополнительный къ первой Правдѣ и несамостоятельный: основаніемъ для этого служитъ именно то, что для проф. Гётца является основаніемъ для признанія 2-й Правды за памятникъ самостоятельный». Почтенный русскій историкъ права, — указавъ на «тѣсную внѣшнюю связь 2-й Правды съ 1-й» — говоритъ, что «она есть непосредственное продолженіе первой, истекающее изъ однихъ и тѣхъ же правовыхъ основаній (конечно, съ нѣкоторыми измѣненіями, какъ памятникъ болѣе поздній)». Такъ какъ, однако, проф. Гётцъ говоритъ «о внутреннихъ противоположеніяхъ 2-й Правды въ отношеніи къ 1-й», то это заставляетъ автора рецензіи подробно остановиться на этихъ противоположеніяхъ и, между прочимъ, оспаривать тотъ выводъ проф. Гётца, что 2-я Правда «отнюдь не есть продуктъ законодательной дѣятельности сыновей Ярослава или сборникъ, составленный при этихъ князьяхъ, главнымъ образомъ изъ ихъ постановленій; она есть частный юридическій сборникъ временъ Владиміра Св. и Ярослава»[1]). Мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ возможности воспроизвести здѣсь, за недостаткомъ мѣста, аргументаціи проф. М. Ф. Вл.-Буданова, думаемъ, однако, что проф. Гётцу придется серьезно считаться съ возраженіями названнаго ученаго какъ по отношенію къ I, такъ и II тому его

[1]) См. «Кіевскія Университетскія Извѣстія», 1912 г., № 10, стран. 1 сл., отдѣла «критики и библіографіи».

труда, по скольку дѣло идетъ о происхожденіи Русской Правды въ ея первыхъ двухъ редакціяхъ. Замѣтимъ лишь, что едва ли проф. Гётцу, поднимая вопросъ объ этомъ происхожденіи, слѣдовало здѣсь такъ далеко расходиться съ выводами русскихъ ученыхъ. Никакими новыми научными данными по вопросу проф. Гётцъ не обладаетъ, установить своего оригинальнаго отношенія «къ рукописной традиціи памятника», какъ это уже замѣчено проф. Прѣсняковымъ [1]), онъ не могъ, а безъ всего этого онъ поневолѣ долженъ былъ быть во власти сомнительныхъ гипотезъ, которыя, конечно, не могли быть приняты русскими комментаторами Правды, а лишь бросали невѣрный свѣтъ на этотъ памятникъ. Обратимся къ другимъ рецензентамъ. Такъ проф. М. А. Дьяконовъ, возражая противъ отдѣльныхъ положеній проф. Гётца о значеніи реформы вел. кн. Владиміра и не соглашаясь съ его толкованіями лѣтописнаго разсказа о ней, въ концѣ концовъ замѣчаетъ слѣдующее: «допустимъ, что авторъ доказалъ то, что ему нужно было доказать о реформѣ Владиміра, а значитъ и подтвердилъ свою мысль о возникновеніи древней Русской Правды до Владиміра. Но, вѣдь, этимъ еще не разрѣшается существенный вопросъ, когда же именно и при какихъ условіяхъ возникла древнѣйшая редакція. Такого существеннаго вопроса авторъ даже не ставитъ» (стран. 11 и сл. оттиска). Едва ли, однако, проф. Гётца можно упрекать за то, что онъ такого вопроса не поставилъ, въ виду невозможности сколько-нибудь обстоятельнаго, съ научной точки зрѣнія, отвѣта на него, принимая во вниманіе незначительность данныхъ, могущихъ пролить какой-либо свѣтъ на его разрѣшеніе. Во всякомъ случаѣ, нельзя не констатировать, что, какъ два указанные выше ученые, такъ и А. Е. Прѣсняковъ, давшій разборъ I и II тома изслѣдованій проф. Гётца, весьма скептически относятся къ отнесенію древнѣйшей Правды къ дохристіанской эпохѣ (или, какъ выражается проф. М. Ф. Вл.-Дановъ, «къ незапамятной до-рюриковской древности»), а равно и не сходятся съ проф. Гётцемъ въ оцѣнкѣ реформы вел. кн. Владиміра [2]). Мы, въ общемъ, готовы согласиться съ вышеуказанными

---

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв., 1912 г., ноябрь, стран. 155; срав. также Goetz D. R. Recht», т- IV, стран. 3, прим. 1.

[2]) «Реформа Владиміра», говоритъ А. Е. Прѣсняковъ, «разрастается у проф. Гётца въ нѣчто огромное: дѣло тутъ не только въ преобразованіи нормъ уголовнаго права, а въ самомъ пріобрѣтеніи князьями карательной и судебной власти. Древнѣйшая Правда относится, по его мнѣнію, къ такой эпохѣ, когда ни того, ни другого не существовало, когда защита права была исключительно дѣломъ общиннаго суда, безъ всякаго участія княжей власти. И эта мысль настолько увлекла изслѣдователя, что привела его къ большому произволу въ обращеніи какъ съ текстомъ «Русской Правды», такъ и съ лѣтописнымъ разсказомъ о постановленіяхъ Владиміра Святославича» (стран. 164 рецензіи).

ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р.

мнѣніями, но, однако, съ нѣкоторою оговоркою. А именно, если необходимо признать, что проф. Гётцъ не доказалъ своего мнѣнія о томъ значеніи, какое, въ его изложеніи, получила «реформа» Владиміра, какъ и не доказалъ, что составленіе древнѣйшей Правды относится еще къ до-христіанской эпохѣ, то другая мысль, отсюда вытекающая, — а именно, что въ древнѣйшей Правдѣ мы имѣемъ «такъ сказать до-варяжское, праславянское, а, слѣдовательно, дѣйствительно русское право» (ein so zusagen vorvarjagisches, urslavisches, also wirklich Russisches Recht», «Das Rus. Recht», т. I, стран. 159)— представляется намъ вѣрною. Ниже мы постараемся углубить эту мысль, доказывая, что и тѣ вставки, какія проф. Гётцъ считаетъ выраженіемъ варяжскаго вліянія на древнѣйшую Правду, содержатъ въ себѣ обще-славянскія нормы[1]). Въ виду этого, намъ представляется, что въ общемъ выводѣ проф. Гётца есть нѣкоторое зерно исторической правды, не въ томъ, конечно, смыслѣ, что древнѣйшая Правда была составлена въ до-христіанское время, а въ томъ, что она воспроизводила въ себѣ, говоря вообще, право сѣдой старины, создавшееся еще на зарѣ нашей жизни и донесенное потокомъ исторіи, съ нѣкоторыми измѣненіями, до времени Ярослава, когда оно было записано.

Не имѣя возможности воспроизвести всѣ тѣ цѣнныя замѣчанія, какія были сдѣланы рецензентами на толкованія проф. Гётцемъ отдѣльныхъ статей Русской Правды, коснемся еще кратко лишь тѣхъ возраженій, которыя касались нѣкоторыхъ общихъ пріемовъ изслѣдованія автора. Проф. Гётцъ говоритъ о заимствованіи института свода, а равно и § 13 древнѣйшей редакціи («аще ли ринеть мужъ мужа либо отъ себе, либо къ себѣ» и пр.) изъ Салической Правды. Проф. М. А. Дьяконовъ справедливо замѣчаетъ, что «о вліяніи нормы Салическаго закона de via lacina (XXXI) на I, 13 едва ли стоитъ говорить». Что же касается признанія свода заимствованнымъ изъ германскаго права, то авторъ рецензіи замѣчаетъ слѣдующее: «этотъ его выводъ опять ставитъ на очередь вопросъ давно уже сданный въ архивъ русскою историческою критикою о заимствованіи содержанія Русской Правды изъ варварскихъ законовъ (leges barbarorum). Если такое общее мнѣніе русскихъ историковъ проф. Гётцъ счелъ неправильнымъ, то ему надлежало бы обставить свое мнѣніе данными гораздо болѣе внушительными, чѣмъ тѣ общія соображенія, съ какими выступилъ

---

[1]) Конечно, за исключеніемъ 3-й статьи, которая (какъ справедливо указалъ А. Е. Пресняковъ, ib., стран. 159) «не годится въ составъ тѣхъ» urslavischen Bestimmungen», которыя однѣ составляли содержаніе «древнѣйшей Правды», по мнѣнію проф. Гётца.

онъ». Указавъ, между прочимъ, автору, что ему осталась неизвѣстною наша статья («Начальныя стадіи процесса виндикаціи движимостей по leges barbarorum»), гдѣ «установлено, что процессъ свода Русской Правды представляетъ болѣе архаическую форму возстановленія правъ на похищенную или утраченную вещь, чѣмъ intertiatio Салической и Рипуарской Правдъ», М. А. Дьяконовъ, въ заключеніе своихъ возраженій, замѣчаетъ, что «надо признать, что вся попытка проф. Гётца оживить старое ученіе Эверса не можетъ быть признана удачною» (стран. 6 и сл.). Мы остановимся въ своемъ мѣстѣ на той теоріи заимствованій Русской Правды изъ leges barbarorum отдѣльныхъ институтовъ, которая развивается профессоромъ Гётцемъ въ его изслѣдованіяхъ объ этомъ памятникѣ. Пока лишь замѣтимъ, что слишкомъ примитивное ученіе Эверса во всякомъ случаѣ значительно измѣнено проф. Гётцемъ. Оставаясь въ предѣлахъ того, что высказано проф. Гётцемъ въ I томѣ его изслѣдованій о Русской Правдѣ, разбиравшемся М. А. Дьяконовымъ, мы видимъ, что за исключеніемъ упомянутыхъ двухъ мѣстъ Русской Правды въ ея древнѣйшей редакціи, — которыя разсматриваются авторомъ изслѣдованія какъ позднѣйшія вставки, — вся древнѣйшая Правда признается имъ «осажденіемъ первобытнаго славяно-русскаго обычнаго права» («Die älteste Redaction ist der Niederschlag des uralten slavisch-russischen Gewohnheitrechtes»); «ея самостоятельность, какъ выраженіе славяно-русскихъ древнихъ правовоззрѣній» представляется для автора «стоящей незыблемо», «она — есть, дѣйствительно, русское право» (ihre Selbständigkeit als Ausdruck der slavisch-altrussischen Rechtsanschauungen steht für uns durchaus fest, es ist wiklich ein Russisches Recht, т. I, стран. 269). Вліяніе на это «національно-русское право» иноземныхъ правовыхъ системъ, явившееся вслѣдствіе усиленнаго гражданскаго оборота русскихъ съ другими народами, особенно вслѣдствіе торговыхъ сношеній съ нѣмцами и скандинавами сказывается, по автору, лишь въ указанныхъ выше добавкахъ («in den Zusätzen») къ древнѣйшей редакціи Правды (ibid.). Эверсъ, однако, нѣсколько иначе смотритъ на происхожденіе Русской Правды. Какъ это говоритъ самъ проф. Дьяконовъ, «Эверсъ доказалъ, что сборники скандинавскаго права моложе Правды и, стало быть, не могли служить источниками послѣдней. Съ своей стороны Эверсъ полагалъ, также основываясь на замѣченныхъ имъ сходствахъ, что источниками Правды послужили варварскіе законы салическихъ и рипуарскихъ франковъ» [1]). Разница здѣсь въ томъ, что проф. Гётцъ, считая

[1]) «Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси», изд. 4 (С.-Пб., 1912 г.), стран. 52.

вообще древнѣйшую Правду «національнымъ русскимъ правомъ» видитъ заимствованіе изъ германскаго права только въ указанныхъ выше двухъ вставкахъ, или дополненіяхъ, къ древнѣйшей Правдѣ (съ чѣмъ нельзя, однако, согласиться), Эверсъ же ставитъ вопросъ о заимствованіи едва ли не всей «Ярославовой Правды» и утверждаетъ поэтому, что «загадка о причинѣ разительнаго ихъ (скандинавскихъ законовъ) сходства съ оною разрѣшиться можетъ только предположеніемъ, что оба народа, скандинавы и славяне, обязаны тѣмъ, что у нихъ есть общаго, какому — третьему. Здѣсь должно обратить вниманіе на нѣмцевъ и французовъ, кои древнѣйшіе законы и духомъ и выраженіемъ во многихъ мѣстахъ сходны съ первыми». Эверсъ при этомъ приводитъ постановленіе Салической и Рипуарской Правдъ, «коимъ подъ большею пенею запрещается своевольное употребленіе чужаго коня»[1]); однако, проф. Гётцъ, по отношенію именно къ этому постановленію (какъ и ко многимъ другимъ) справедливо замѣчаетъ, что мы имѣемъ здѣсь общее согласованіе германскихъ, греческихъ и славянскихъ правовыхъ нормъ и отвергаетъ, поэтому, германское происхожденіе указаннаго постановленія (т. I, стран. 241, 253 и мн. др.). Можно вполнѣ согласиться съ проф. М. А. Дьяконовымъ, что проф. Гётцу, говоря о германскомъ происхожденіи свода «надлежало бы обставить свое особое мнѣніе данными гораздо болѣе внушительными, чѣмъ тѣ общія соображенія, съ какими выступилъ онъ» (стран. 7), можно также спросить проф. Гётца (какъ его спрашиваетъ другой рецензентъ — А. В. Флоровскій), почему онъ, признавая «интернаціональный характеръ» за цѣлымъ рядомъ институтовъ Русской Правды, «относительно свода и толчка мужу» считаетъ необходимымъ допустить «иноземное происхожденіе и воздѣйствіе» (стран. 28), но, кажется, все-таки нельзя видѣть въ утвержденіи проф. Гётца «попытку оживить старое ученіе Эверса» въ цѣломъ, въ виду нѣкоторыхъ особенностей его теоріи.

Еще одно возраженіе, дѣлаемое проф. Гётцу его критиками, заслуживаетъ упоминанія. Авторъ новѣйшихъ изслѣдованій о Русской Правдѣ считаетъ общею ошибкою русскихъ ученыхъ, что они пользуются безразлично (unterschiedslos) всѣми редакціями Русской Правды для установленія тѣхъ или иныхъ положеній

---

[1]) «Предварительныя критическія изслѣдованія Густава Эверса для россійской исторіи». Переводъ съ нѣмецкаго (изданіе Московскаго Общества любителей исторіи и древн. россійскихъ, М., 1825 г.), кн. I, стран. 92 и слл., экскурсъ объ «Ярославой Правдѣ». Ср. также обзоръ мнѣній Эверса по вопросу объ источникахъ Русской Правды, приведенный въ брошюрѣ Ѳ. В. Тарановскаго «Норманская теорія въ исторіи Русской Правды», (Варшава, 1909 г.), стран. 5 и слл.

памятника, между тѣмъ, какъ проф. Гётцъ думаетъ, что для яснаго представленія правовыхъ понятій каждой редакціи необходимъ болѣе правильный путь — «разсматривать каждую редакцію саму по себѣ» («jede Redaction für sich allein zu betrachten», т. I, стран. 3). Мы уже приводили по этому поводу мнѣніе проф. М. Ф. Вл.-Буданова, отклоняющее упрекъ въ «смѣшеніи постановленій разновременныхъ Правдъ». Не видятъ здѣсь какой-либо методологической ошибки и другіе критики, указывая при этомъ, что и самъ «проф. Гётцъ не могъ выдержать», какъ замѣчаетъ, напримѣръ, А. Е. Прѣсняковъ, «пріема толкованія каждой редакціи «Русской Правды» независимо отъ позднѣйшихъ. Какъ онъ на этомъ ни настаивалъ, самъ онъ въ пониманіи ряда статей древнѣйшей Правды и «второй редакціи» исходитъ изъ ихъ сопоставленія со статьями Правды Пространной. Иначе и не могло быть. «Третья редакція» — необходимый источникъ для разумѣнія болѣе древнихъ статей, хотя бы потому, что ея составители могли знать ихъ въ иномъ видѣ и полнѣе, чѣмъ знаемъ мы» (ib., стран. 166 и сл.). Намъ думается даже, что, если бъ проф. Гётцъ пользовался еще въ большей степени, чѣмъ это случилось de facto, указаннымъ сопоставленіемъ статей (съ извѣстными оговорками, что онѣ принадлежатъ разнымъ редакціямъ и т. п.), то онъ принужденъ былъ бы (какъ это мы отмѣтимъ въ своемъ мѣстѣ), отказаться отъ мысли о заимствованіи, напр., свода Русской Правды изъ Салической Правды.

Мы отмѣтили кратко важнѣйшія возраженія, какія сдѣлали русскіе ученые критики на изслѣдованія о Русской Правдѣ профессора Гётца (пока, впрочемъ, на I и II только томы). Перейдемъ теперь къ изложенію нашихъ собственныхъ сомнѣній и замѣчаній по поводу этихъ изслѣдованій.

II.

Обширнымъ, обнимающимъ четыре тома, изысканіямъ профессора Гётца о Русской Правдѣ предшествуетъ, по времени, переводъ, съ толкованіями, самого памятника[1]). Положивъ въ основаніе своего перевода извѣстное изданіе Русской Правды В. И. Сергѣевича, авторъ беретъ для него три первыя редакціи (такъ наз. древнѣйшую, вторую и третью), оставляя въ сторонѣ четвертую (по списку кн. Оболенскаго), что̀ и правильно, такъ какъ послѣдняя

[1]) «Programm zu Feier des Gedächtnisses des Stifters der Universität Königs Friedrich Wilhelm III, zugleich mit dem Bericht über die Akademische Preisverteilung am 3. August 1909 r.». Inhalt: Leopold Karl Goetz, Russkaja Prawda (Das Russiche Recht). Aus altrussischen übersetzt, mit Anmerkungen. Bonn.

не имѣетъ самостоятельнаго значенія и составляетъ, какъ замѣчаетъ переводчикъ, сокращеніе (Auszug) третьей редакціи. Затѣмъ, въ изданномъ въ 1910 году I томѣ Das Russische Recht (Русская Правда), посвященномъ изслѣдованію «древнѣйшей редакціи» Правды, авторъ перепечатываетъ русскій текстъ трехъ редакцій Правды (по тому же изданію В. И. Сергѣевича), вмѣстѣ съ переводомъ ихъ на нѣмецкій; затѣмъ второй томъ своихъ изслѣдованій онъ отдаетъ подробнымъ изысканіямъ о второй редакціи, третій — слѣдующей, а четвертый содержитъ въ себѣ общее разсужденіе автора о III редакціи Р. Правды, какъ литературнаго произведенія и какъ памятника права[1]). Изданіе В. И. Сергѣевича[2]), какъ извѣстно, рѣзко раздѣляетъ «краткую» Правду, на «древнѣйшую» (составляющую I редакцію) и «Правду Ярославичей» (являющуюся II редакціею), а равно и вводитъ новое дѣленіе на статьи, пытаясь измѣнить существующее нынѣ. Изданіе это вызывало не разъ возраженія со стороны ученыхъ[3]) и критики изслѣдованій профессора Гётца, какъ уже частью отмѣчалось нами, склонны ставить въ упрекъ ему, что онъ взялъ это изданіе за образецъ своего перевода и толкованій. Намъ думается, однако, что иностраннаго писателя нельзя винить за то, что онъ пользуется тѣмъ, что даетъ «лучшаго» литература даннаго народа и, конечно, ему невозможно разбираться (какъ это справедливо отмѣчаетъ А. Е. Прѣсняковъ, ib. стр. 155) въ «рукописной традиціи текста». Исходя изъ вышесказаннаго положенія, мы не будемъ касаться всѣхъ тѣхъ недомолвокъ и особенностей изслѣдованій проф. Гётца, которыя, такъ или иначе, стоятъ въ зависимости отъ характера самого изданія В. И. Сергѣевича, а будемъ говорить лишь о томъ, въ чемъ вполнѣ и нераздѣльно выражаются взгляды самого изслѣдователя на нашъ памятникъ и прежде всего остановимся на его переводѣ Р. Правды.

Нѣтъ, конечно, никакого сомнѣнія, что при переводѣ любого памятника права на иностранный языкъ передъ переводчикомъ возникаетъ чрезвычайно трудная задача войти въ духъ языка

---

[1]) «Das Russische Recht» («Русская Правда»): I Band: «Die älteste Redaction des Russischen Rechtes» (Stuttgart, 1910 г.); II Band: «Die zweite Redaction des Russischen Rechtes» (ibid., 1911 г.); III Band: «Die dritte Redaction des Russischen Rechtes» (ibid., 1912 г.); IV Band: Die dritte Redaction des Russischen Rechtes als literarisches Denkmal und als Rechtsurkunde» (ibid., 1913 г.).

[2]) «Русская Правда» въ четырехъ редакціяхъ. По спискамъ Археографическому, Троицкому и кн. Оболенскаго, съ дополненіями и варіантами изъ другихъ списковъ. Издалъ В. Сергѣевичъ (С.-Пб., 1904 г.).

[3]) Кромѣ указанныхъ рецензій на изслѣдованія проф. Гётца, гдѣ попутно говорится объ изданіи В. И. Сергѣевича, см. также ст. П. Н. Мрочекъ-Дроздовскаго «Новое изданіе Русской Правды» (М., 1905 г.; оттискъ изъ «Ученыхъ Записокъ Имп. Московскаго Университета), гдѣ указанный авторъ характеризуетъ это изданіе, «какъ безспорно лучшее».

памятника, сумѣть изобразить все своеобразіе его юридическихъ институтовъ, а равно и найти подходящія выраженія для передачи, на другомъ языкѣ, всѣхъ разнообразныхъ оттѣнковъ его національной терминологіи. Эта трудность становится тѣмъ значительнѣе, чѣмъ древнѣе, по своему происхожденію, переводимый памятникъ. Не говоря уже о разночтеніяхъ, всегда встрѣчающихся въ древнѣйшихъ юридическихъ памятникахъ, дошедшихъ до насъ въ рукописномъ видѣ, одна наличность оригинальныхъ техническихъ терминовъ, — касающихся архаическихъ институтовъ права, изчезнувшихъ въ послѣдующемъ культурномъ развитіи націи, — всегда создавала и будетъ создавать непреодолимыя препятствія для точнаго ихъ перевода на иностранный языкъ, въ виду того, что сами институты представляются нерѣдко загадочными по своему внутреннему смыслу, почему и объясненіе ихъ вызываетъ въ литературѣ рядъ контроверзъ. Переводъ будетъ всегда поэтому болѣе или менѣе условнымъ и возбуждающимъ извѣстныя возраженія[1]). И это независимо отъ качествъ, свойственныхъ самому переводчику. Проф. Гётцъ, несомнѣнно, отлично владѣетъ русскимъ языкомъ вообще и языкомъ древнихъ нашихъ памятниковъ въ частности. Переводъ Русской Правды, имъ сдѣланный, обладаетъ поэтому крупными достоинствами: онъ, говоря вообще, отличается простотою стиля, такъ идущей къ общему характеру нашего древнѣйшаго памятника права; онъ нерѣдко передаетъ затѣмъ, насколько возможно, близко сущность основныхъ понятій, свойственныхъ Русской Правдѣ; онъ, наконецъ, исправляетъ ошибки устарѣлаго перевода Русской Правды, сдѣланнаго еще въ 1826 году Эверсомъ [2]), давая при томъ громадный матеріалъ для толкованій

---

[1]) Это обстоятельство, на нашъ взглядъ, справедливо учитано переводчиками Салической Правды, только что изданной по-русски. Авторы перевода замѣчаютъ, что «переводъ такого памятника, какъ Салическая Правда, можетъ быть лишь переводомъ приблизительнымъ и условнымъ, т.-е. такимъ переводомъ, который исходитъ изъ опредѣленнаго толкованія текста. А такъ какъ толкованія отдѣльныхъ терминовъ и цѣлыхъ титуловъ Салической Правды могутъ быть различны и даже противоположны, то вполнѣ законны и различные ихъ переводы, несогласные съ нашимъ». (Салическая Правда, русскій переводъ Lex Salica, Н. П. Граціанскаго и А. Т. Муравьева. Съ введеніемъ Н. П. Граціанскаго. Казань, 1913 г.) Условность перевода разумѣется тѣмъ меньше можетъ оказывать вліянія на вѣрное пониманіе текста переводимаго памятника, чѣмъ болѣе толкованій отдѣльныхъ терминовъ дается въ ученой литературѣ. По отношенію къ Салической Правдѣ въ нашей литературѣ имѣется прекрасное изданіе памятника, съ обстоятельными комментаріями («Сборникъ законодательныхъ памятниковъ древняго западно-европейскаго права», издаваемый подъ редакціей П. Г. Виноградова и М. Ф. Владимірскаго-Буданова»), вып. I. (Кіевъ, 1906 г.), Lex Salica.

[2]) Самъ авторъ говоритъ по поводу этого слѣдующее: «Seit Ewers (1826) ist meines Wissens keine deutsche Uebersetzung mehr erschienen; aber seit Ewers hat die Handschriftenerforschung des «Russischen Rechts» grosse Fort-

не только отдѣльныхъ словъ, но и цѣлыхъ выраженій. Во всемъ этомъ заключается большая заслуга проф. Гётца какъ передъ исторіею русскаго права, такъ еще болѣе — передъ исторіею сравнительнаго правовѣдѣніе. Только теперь наша знаменитая Правда цѣликомъ предстала предъ лицомъ западно-европейскихъ ученыхъ и ея юридическіе институты вполнѣ открыты для изученія. Но переводъ Русской Правды, по тремъ ея редакціямъ, сдѣланный проф. Гётцемъ, имѣетъ и нѣкоторыя особенности, на которыхъ стоитъ остановиться, въ виду важности вопроса о наиболѣе близкой передачѣ, на чужомъ языкѣ, основного смысла подлинника. Прежде всего, при разборѣ этого труда, нельзя, кажется, признать вполнѣ правильнымъ, одного общаго пріема, допускаемаго авторомъ при переводѣ важнѣйшихъ оригинальныхъ терминовъ Русской Правды, соотвѣтствующихъ оригинальности самихъ институтовъ, обозначенныхъ въ этихъ терминахъ. Авторъ разсматриваемыхъ изслѣдованій о Русской Правдѣ стремится передать непремѣнно по-нѣмецки многія техническія выраженія нашего памятника, какъ, напр., послухъ, видокъ, лицо, рядъ, сводъ и др., при чемъ нельзя сказать, чтобъ такая передача была всегда вполнѣ удачна. Можно было бы частью оправдать ее, однако, заботливостью автора о чистотѣ нѣмецкаго языка, стремленіемъ не засорять его иностранными реченіями. Но, авторъ, какъ и всякій переводчикъ, если и имѣлъ передъ собою такую цѣль, то проводилъ ее, во всякомъ случаѣ, какъ намъ представляется, далеко не послѣдовательно, такъ что и оправданіе этою цѣлью не можетъ имѣть большого значенія, еслибъ оно и было представлено авторомъ перевода. По крайней мѣрѣ, мы нерѣдко встрѣчаемся въ его переводѣ съ русскими терминами тогда, когда ихъ легко было бы, безъ ущерба внутреннему смыслу памятника, замѣнить нѣмецкими, какъ и, наоборотъ, трудность, а иногда и полная невозможность, передать по-нѣмецки какое-либо русское техническое выраженіе не останавливаетъ автора отъ замѣны этого выраженія нѣмецкимъ, въ результатѣ чего получается неясность въ переводимой статьѣ и т. д. Авторъ, напр., переводитъ выраженія «сельскій староста» словами «Dorf-Starosta», а «ротайный староста» — «Bauern-Starosta» (II редакція ст. 6), хотя, съ точки зрѣнія чистоты перевода, а равно и его точности, ничто бы казалось не мѣшало перевести первое выраженіе

---

schritte gemacht und auf vielen Gebieten der russischen Geschichte und Rechtsgeschichte ist man zu anderen Resultaten gekommen, als sie Ewers für seine Uebersetzung vorlagen. Ferner hat Ewers eine Anzahl Uebersetzungsfehler gemacht, die allerdings bei der oft dunkeln, schwerverständlichen Sprache des «Russichen Rechts» verzeihlich sind». («Programm», стран. 14).

по-нѣмецки словами «Dort-aeltester», а второе «Bauern-aeltester». Съ точки зрѣнія чистоты нѣмецкаго языка, — и въ полномъ согласіи съ смысломъ слова,—вполнѣ возможно было бы также слово вирникъ (Virnik), оставленное безъ перевода, перевести словомъ Wehrmann, какъ предлагалъ еще Эверсъ, или еще лучше, какъ предлагаетъ, въ одномъ изъ своихъ примѣчаній, самъ проф. Гётцъ словомъ Wergeldmann (Programm, стран. 24). Непонятно также, напр., почему бы слово вѣдро (ведро), встрѣчающееся въ Русской Правдѣ, не перевести словомъ Eimer (II редакція, ст. 24). Если, далѣе, авторъ оставляетъ безъ перевода слово вѣверица (Vêverica), или слово вѣкша (Vêkša), вполнѣ соотвѣтствующее слову «Eichhörnchen», то мы понимаемъ это, какъ вполнѣ умѣстное, по обстоятельствамъ дѣла, желаніе автора оставить вообще русскія денежныя единицы (Grivna, Rèsana, Nogata) въ ихъ оригинальной терминологіи. Но, въ такомъ случаѣ, слѣдовало бы, въ интересахъ выдержанности системы перевода, оставлять безъ перевода и другія единицы тѣхъ или иныхъ мѣръ, встрѣчающихся въ Русской Правдѣ. Между тѣмъ, въ такъ называемыхъ «поконахъ вирныхъ», авторъ, то сохраняетъ русскую мѣру этихъ «поконовъ» (ведро, Vedro), и сохраняетъ безъ нужды, то замѣняетъ ее, и при томъ (на нашъ взглядъ), неудачно — нѣмецкимъ словомъ. Такъ, слово, напр., полоть авторъ передаетъ словомъ Schwein. Полоть, или полть — извѣстная единица мѣры, употребляемая при торговлѣ мясомъ и, если другія единицы мѣры, употреблявшіяся при торговлѣ того времени, — какъ напр., уборокъ (Uborok), головяжня (Golovaznja) и пр., — оставлены авторомъ безъ перевода, то, кажется, слѣдовало бы и полоть оставить безъ перевода, или, если уже переводить, то болѣе близко къ смыслу даннаго слова, почему, съ этой точки зрѣнія, переводъ, дѣлаемый Эверсомъ (полоть — eine Speckseite), несомнѣнно, болѣе удовлетворителенъ, чѣмъ переводъ почтеннаго автора.

Нѣмецкій переводъ Русской Правды, столь тщательно сдѣланный проф. Гётцемъ, вообще, пестритъ русскими терминами, оставленными авторомъ въ ихъ полной неприкосновенности. Это оставленіе можно было бы вообще привѣтствовать, въ виду трудности, а подчасъ и полной невозможности сколько-нибудь точной передачи на чужомъ языкѣ всего своеобразія нашей юридической терминологіи. Оставленіе безъ перевода тѣмъ болѣе умѣстно, что авторъ — какъ въ своей «Программѣ», содержащей переводъ Русской Правды, такъ и въ своихъ прекрасныхъ изслѣдованіяхъ этого памятника, — не скупится на приведеніе, кромѣ собственныхъ объясненій, также и тѣхъ, которыя имѣются въ нашей литературѣ, по отношенію къ тому или

иному термину, встрѣчающемуся въ указанномъ памятникѣ, и тѣмъ даетъ возможность нѣмецкимъ читателямъ видѣть всѣ разнорѣчія. Однако, и здѣсь мы замѣчаемъ нѣкоторую невыдержанность въ системѣ перевода, сильно вредящую, какъ намъ кажется, дѣлу. Такъ, авторомъ оставлены безъ перевода слова гридѣнь (Gridin), ябетникъ (Jabetnik), тіунъ (Tiun), бояринъ (Bojarin), огнищанинъ (Ognišćanin) и др., но переведены слова видокъ, послухъ, сводъ, лице, закупъ, рядъ и др. Едва-ли трудность перевода терминовъ огнищанинъ или ябетникъ, ввиду — разногласія въ толкованіяхъ значенія этихъ словъ и пр., менѣе значительна, чѣмъ тѣхъ, которыя авторъ перевелъ на свой родной языкъ. Возьмемъ, напр., слово закупъ. Авторъ переводитъ его словомъ Mietarbeiter (III редакція, ст. 71), т.-е. наймитъ, каковое выраженіе встрѣчается, какъ извѣстно, только въ одномъ спискѣ Русской Правды. Давая такой переводъ какъ въ своей «Программѣ» (стран. 31), такъ и въ I томѣ «Das Russische Recht» (стран. 39), авторъ тѣмъ самымъ становится на сторону тѣхъ русскихъ ученыхъ, которые выводятъ институтъ закупничества изъ договора личнаго найма, между тѣмъ какъ у насъ существуетъ еще другая теорія, полагающая, что въ основѣ закупничества лежитъ заемъ, соединенный съ самозалогомъ[1]). Авторъ, конечно, знаетъ объ этомъ, но вовсе не утилизируетъ, однако, этого значенія въ первоначальномъ своемъ переводѣ, указанномъ выше, и лишь въ III томѣ своего изслѣдованія называетъ закупа Schuldknecht, такъ что, напр., статья Русской Правды, гласящая, что «аже закупъ бѣжить отъ господы, то обель» (ст. 71, III редакціи) переведена такъ:

въ программѣ и въ I томѣ «Das Russische Recht»: «Wenn ein Mietarbeiter von Seinem Herrn entläuft, dann (wird er) ein Sclave (стран. 39).	въ III томѣ «Das Russische Recht»: «Wenn ein Schuldknecht (zakup) von seiner Herrschaft entläuft, dann (wird er) ein (voller) Sklave» (стран. 263).

Въ отступленіе отъ своего первоначальнаго взгляда, профессоръ Гётцъ, такимъ образомъ, становится позднѣе на сторону

---

[1]) Объ этихъ теоріяхъ см. въ моемъ «Учебникѣ исторіи русскаго права», изд. 5 (Юрьевъ, 1914 г.), стран. 216 и сл., а равно и у самаго проф. Гётца, т. III, стран. 263 и сл. Въ недавнее время «О закупахъ Русской Правды» написано изслѣдованіе И. И. Яковкинымъ, при чемъ его авторъ становится на сторону теоріи займа, сравнивая нормы Русской Правды съ нормами норвежскаго права, регулирующими отношенія по Schuldknechtschaft (т.-е., по «долговой кабалѣ»), «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1913 г., апрѣль и май; ср. рецензію *С. А. Шумакова*, Юрид. Библіографія, 1913 г., № 1—2. Это мнѣніе названнаго автора представляется намъ, однако, также одностороннимъ.

второй теоріи, почему и утверждаетъ, что «zakupničestvo nicht ein Mietverhältnis, sondern ein Schuldverhältnis ist» (III томъ «Das R. Recht», стран. 266). Въ виду спорности вопроса и недостатка данныхъ для окончательнаго разрѣшенія его, намъ представляется вполнѣ допустимымъ и тотъ и другой переводъ слова закупъ, а равно и понятнымъ указанное колебаніе проф. Гётца. Но, однако, слѣдовало ли вообще переводить этотъ терминъ, разъ не было найдено авторомъ перевода для него какого-либо нейтральнаго выраженія (что едва ли возможно) и разъ попытка буквальнаго перевода, предложенная еще Эверсомъ (закупъ—Erkaufter), признается проф. Гётцемъ неудовлетворительною? Не было ли бы болѣе правильнымъ оставить терминъ закупъ безъ перевода, или, если уже переводить, то объединить въ переводѣ оба слова (Mietarbeiter и Schuldknecht), сказавъ, напр., по-нѣмецки, что закупъ есть «der mietarbeitende Schuldknecht, т.-е. работающій по найму должникъ? Такой переводъ намъ лично кажется возможнымъ потому, что мы находимъ въ институтѣ закупничества соединеніе договора личнаго найма съ договоромъ займа, обезпеченнаго самозалогомъ. Во всякомъ случаѣ, переводъ термина закупъ однимъ или другимъ (изъ двухъ указанныхъ) словъ является одностороннимъ, что едва ли является его достоинствомъ [1]). Возьмемъ два другихъ весьма важныхъ юридическихъ термина, извѣстныхъ Русской Правдѣ — видокъ и послухъ. Слово народомъ не даромъ молвится и, если существуютъ два слова для выраженія какихъ-либо, хотя бы родственныхъ, понятій, какъ это мы видимъ и въ данномъ случаѣ (видоки и послухи — свидѣтели), то это значитъ, что между этими понятіями существуетъ извѣстное различіе, которое въ данномъ литературномъ или юридическомъ памятникѣ можетъ быть иногда затемненнымъ, но которое должно быть, однако, по возможности, возстановленнымъ наукою. Два различныхъ термина требуютъ, какъ намъ кажется, отъ переводчика ихъ на другой языкъ, либо нахожденія для каждаго особаго слова, соотвѣтствующаго внутреннему смыслу даннаго термина, либо, въ случаѣ невозможности этого, оставленія каждаго термина безъ перевода. Нѣмецкій ученый избираетъ, однако, другой путь. Онъ то переводитъ термины видокъ и послухъ однимъ и тѣмъ же словомъ Zeuge (откуда и статья Русской Правды о послушествѣ

---

[1]) Выставивъ положеніе, что «zakup ist der Schuldknecht», авторъ говоритъ, что, сообразно съ этимъ, онъ измѣнилъ переводъ слова закупъ словомъ Mietarbeiter, за исключеніемъ, однако, § 80 III редакціи, гдѣ слово наймитъ осталось переведеннымъ словомъ Mietarbeiter (ibid., стран. 267, примѣч. 2). Все это говоритъ за то, что терминъ закупъ слѣдовало бы либо перевести такъ, какъ указано нами, либо оставить безъ перевода.

переводится «Vom Zeugniss» III редакція, ст. 89)[1]), то передаетъ терминъ послухъ нѣмецкимъ выраженіемъ Eideshelfer (III редакція, стт. 18, 19, 22), при чемъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ оба термина видокъ и послухъ передаются однимъ словомъ Zeuge[2]). Замѣтимъ по этому поводу слѣдующее. Видокъ, по согласному толкованію всѣхъ нашихъ ученыхъ, свидѣтель-очевидецъ, testis de visu; что же касается послуха, то подъ нимъ разумѣютъ, какъ свидѣтеля по слуху, testis de auditu, такъ и свидѣтеля доброй славы (testis de credulitate), на котораго ссылались стороны и который принималъ дѣятельное участіе въ судоговореніи; его уподобляютъ нерѣдко германскому conjurator'y, Eideshelfer'y. Можно согласиться съ тѣмъ, что авторъ разбираемаго перевода Русской Правды игнорируетъ взглядъ на послуха, какъ на свидѣтеля по слуху, такъ какъ этотъ взглядъ нынѣ не является общепринятымъ въ нашей ученой литературѣ; понятно также, что существованіе взгляда на послуха, какъ на соприсяжника, въ отличіе отъ взгляда на видока, какъ на лицо, свидѣтельствующее о видѣнномъ имъ фактѣ, заставило автора перевода именовать послуха невсегда нѣмецкимъ словомъ Zeuge, подобно видоку, но и называть иногда его Eideshelfer'омъ. Однако, въ виду начавшагося уже по Русской Правдѣ смѣшенія понятія видока и послуха, при чемъ не послухъ всегда игралъ роль видока[3]), а, наоборотъ, видокъ иногда былъ послухомъ, т.-е. соприсяжникомъ, слѣдовало бы и видока въ такомъ случаѣ называть Eideshelfer'омъ. Такъ, въ ст. 13, I редакціи («Аще ли ринетъ мужъ мужа либо отъ себе, либо къ собѣ, 3 гривнѣ. А видока два выведетъ»), хотя и говорится о видокѣ, но этотъ видокъ является соприсяжникомъ, почему переводить подчеркнутую выше формулу этой статьи такъ, какъ переводить авторъ («Aber er muss zwei Zeugen beibringen) нельзя, безъ риска затемнить ея смыслъ.

---

[1]) I редакціи Русской Правды, стт. 4, 5, 13; II редакція, ст. 11; III редакція, стт. 31—33, 36, 37, 45, 48, 58, 60, 61, 64, 89, 90, 102, 110, 111, 142).

[2]) Въ своей «Программѣ» (въ примѣчаніи къ четвертой статьѣ I редакціи Русской Правды, гдѣ говорится о видокѣ — «или будетъ кровавъ или синь надраженъ, то не искати ему видока человѣку тому»), авторъ замѣчаетъ, между прочимъ, слѣдующее: «видокъ ist immer, wie hier, der Augenzeuge, послухъ wird im Russischen Recht gleichfalls für «Augenzeuge», so z. B. II, 11, III, 33 (während in dem eng werwandten III, 31 видокъ steht), III, 48, 58, 60, 61, 64, 110 gebraucht; man fasst es aber an anderen Stellen im Sinne von «Eideshelfer» auf, so z. B. III, 18, 22. Vergl. darüber bezw. dagegen Дроздовскій, 1885, 238—246, der видокъ, als testis de visu, послухъ, als testis de auditu erklärt», стран. 16 «Programm».

[3]) Это наступаетъ позднѣе, чему наиболѣе яркимъ выраженіемъ служитъ 67 ст. I Судебника, въ которой, между прочимъ, требуется «послухомъ, не видѣвъ, не послушествовати, а видѣвъ сказати правду». (Сравни также ст. 99 Царскаго Судебника.)

Затѣмъ, несомнѣнно, что тамъ, гдѣ авторъ перевода видитъ въ послухѣ видока, testis de visu, — почему и считаетъ возможнымъ обозначать его словомъ Zeuge (ближе было бы вообще называть видока всегда не Zeuge, а Augenzeuge), — послухъ является истиннымъ Eideshelfer'омъ. Такимъ онъ представляется, напр., намъ въ 102 ст. III редакціи Русской Правды, гласящей объ отысканіи пропавшей вещи по слѣду, оставленному воромъ, уведеннымъ животнымъ или рабомъ. Какъ извѣстно, статья эта заканчивается словами: «а слѣдъ гнати съ чюжими людьми, а съ послухи». Проф. Гётцъ переводитъ эти слова такъ: «aber die Spur verfolgt man mit fremden Leuten und mit Zeugen». Едва ли къ этой статьѣ подходитъ общая формула проф. Гётца, что «послухъ wird im Russischen Recht gleichfalls für «Augenzeuge gebraucht» (подобно видоку), а, слѣдовательно, едва ли слово послухъ здѣсь можетъ переводиться словомъ Zeuge. По смыслу всей статьи послухи должны были свидѣтельствовать, что vestigii minatio, говоря языкомъ Салической Правды, велось согласно выставленнымъ Русскою Правдою правиламъ; въ виду того, что такому свидѣтельствованію можно было больше вѣрить, чѣмъ словамъ родныхъ, указанная статья и требуетъ ихъ присутствія и не допускаетъ къ участію въ отысканіи по слѣду вора и пропавшей вещи своихъ. Участіе постороннихъ людей, сосѣдей и т. д., въ процессѣ vestigii minatio было обязательнымъ, какъ по древне-германскому [1]), такъ и по древне-славянскому праву [2]). Все это, вмѣстѣ взятое, не позволяетъ видѣть здѣсь въ послухахъ простыхъ видоковъ, Zeugen по терминологіи автора, а лицъ, которыя могли бы позднѣе, въ случаѣ нужды, подтвердить присягою, что слѣдъ гнался правомѣрно и т. д. Самъ авторъ, говоря объ этой статьѣ, между прочимъ замѣчаетъ о послухахъ, называемыхъ имъ въ переводѣ Zeugen, слѣдующее: «die Zeugen sind solche Personen, die Tatsache des Diebstahls, die Wegnahme der Gegenstände bekunden können, wenn sie auch nicht Augenzeugen der Tat selbst waren» («Das Russische Recht», III, стран. 319). Дѣйствительно, здѣсь послухи — не видоки-очевидцы только (не «Augenzeugen»), а лица, на которыхъ можетъ «слаться» впослѣдствіи

[1]) По «Decretis Chlotarii regis» (§ 17) видно, что «всякій, кто не захотѣлъ бы, вопреки приглашенію, отправиться «ad vestigio vel latrones persequendo» подвергался пени въ 5 солидовъ (см. подробно о процедурѣ отысканія вора и вещи по слѣду въ статьѣ моей «Начальныя статьи процесса виндикаціи движимости по leges barbarorum» и пр. въ «Сборникѣ статей», посвященныхъ М. Ф. Вл.-Буданову, стран. 10 и сл.).

[2]) По польскому, напр., праву, односельчане должны участвовать въ указанной процедурѣ, если не хотятъ отвѣчать за неоказаніе помощи: такъ они «гонятъ по слѣду за разбойникомъ и воромъ, отъ ополя къ ополю, отъ деревни до деревни». (Собѣстьянскій, Круговая порука у славянъ. Харьковъ, 1888, стран. 110 и сл.)

гонящійся по слѣду виндикантъ. Кто же они, какъ не conjuratores, Eideshelfer'ы, т.-е. вовсе не свидѣтели-очевидцы, а, наоборотъ, свидѣтели доброй славы истца, поддерживающіе своею присягою его присягу? Кажется, въ виду того употребленія терминовъ видокъ и послухъ, какой имѣетъ мѣсто въ Русской Правдѣ, было бы вполнѣ умѣстнымъ оставить эти слова безъ перевода, разъ не было найдено подходящихъ терминовъ для каждаго изъ нихъ; обозначеніе же ихъ, за немногими исключеніями, однимъ словомъ Zeuge приводитъ не только къ тому, что отдѣльныя статьи Русской Правды, въ коихъ эти термины встрѣчаются, утрачиваютъ свою индивидуальность и какъ-то нивелируются, но и можетъ вызвать споръ о томъ, дѣйствительно ли въ данной статьѣ послухъ такой же видокъ (или обратно), а не соприсяжникъ.

Авторъ пытается, далѣе, передать по-нѣмецки другой техническій терминъ нашего знаменитаго памятника, а именно терминъ лице. Онъ передаетъ его словами «das (Klage) Object («оже не будеть лиця — wenn das (Klage) Object nicht vorhanden ist», III редакція, ст. 23), «das ihm (истцу) gehörende Object» («свое ему лицемь взяти — so nimmt er das ihn gehörende Object», ст. 40), «sein Object» (а истцю свое лицо взяти — und der Kläger nimmt sein Object», ст. 45; ср. стт. 47, 48)[1]), замѣняетъ слово «лице» наименованіемъ предмета, который украденъ («аже лодью украдеть, то 60 кунъ продажѣ а лодью лицемъ воротити — wenn man ein Boot stiehlt, dann 60 Kuna Strafe und das Boot selbst zurückgeben», 104). Въ своей «Программѣ» авторъ добавляетъ еще слѣдующее въ поясненіе значенія слова лице: «Also ist лице Objekt, Klagegenstand, corpus delicti» (стран. 28), а въ III же томѣ своего изслѣдованія «Das Russische Recht» говоритъ, что «die Worte svoe emu licem vzjati könnte man passend auch wiedergeben mit «das seine in natura wieder nehmen», wie die Boltinsche Ausgabe schon lice erklärt hat» (стран. 156; ср. также стран. 169, гдѣ предлагается слово лице передать словами «das Klageobject in natura). Проф. Гётцъ предлагаетъ, такимъ образомъ, нѣсколько словъ и описательныхъ выраженій для передачи по-нѣмецки термина Русской Правды лице[2]). Если мы къ этому еще добавимъ, что «Эверсъ (въ своемъ изслѣдованіи «Das älteste Recht der Russen, стран. 319) слова Русской

---

[1]) Правило Русской Правды: «Яже отъ челяди плодъ или отъ скота, то все поімати лицемь», проф. Гётцъ переводъ: «Wenn vom Gesinde oder vom Vieh Zuwachs ist (in der Zeit der Vormundschaft), so erhält (der Vormund) alle diese Objecte», ibid., ст. 129).

[2]) О значеніи слова лице у славянъ вообще см., между прочимъ, E. Berneker'a, Slavisches etymologisches Wörterbuch (Heidelberg, 1908—1913 гг.), т. I, A—L, подъ словомъ likъ, 2.

Правды «а послѣ познаетъ (утратившій свою вещь) въ своемъ городѣ, свое ему лицемь взяти» передаетъ словами: «und nachher erkennt er das seinige in der Stadt, so nimmt er das seinige in Wesenheit (лицемъ)», то мы получимъ цѣлую серію выраженій, пытающихся изобразить смыслъ нашего термина лице. Уже наличность этой серіи выраженій, нерѣдко другъ съ другомъ совсѣмъ несхожихъ, ясно показываетъ, что переводчики чувствовали затруднительность своего положенія. Надо признать, какъ намъ представляется, что проф. Гётцъ, поскольку это было возможно, передалъ удачно смыслъ даннаго термина, и если бы онъ отнесъ всѣ эти выраженія «Klage-Object», «Klagegegenstand», «corpus delicti», «das Klage-Object in natura» и пр. въ примѣчанія свои (что имъ и сдѣлано частію), а не помѣщалъ бы нѣкоторыхъ изъ нихъ въ текстъ перевода Русской Правды, оставивъ терминъ лице безъ перевода, онъ поступилъ бы болѣе цѣлесообразно, такъ какъ передача термина лице словами «Klage-Object», «sein Objekt» и пр. лишаетъ соотвѣтствующій текстъ Русской Правды, въ переводѣ, его простоты и наивности. Выраженія — «объектъ иска», ему «принадлежащій объектъ», — умѣстныя вполнѣ въ современномъ юридическомъ кодексѣ, — какъ-то мало подходятъ къ такому памятнику старины стародавней, какъ наша Правда...

Попытка автора новѣйшаго перевода Русской Правды передать во что бы то ни стало по-нѣмецки ея технические юридические термины дѣлается авторомъ и тогда, когда онъ самъ понимаетъ трудность своей задачи, при чемъ дѣлается, какъ намъ представляется, не вполнѣ удачно. Какъ извѣстно, въ Русской Правдѣ встрѣчается терминъ сводъ, различно понимаемый и нашими учеными, а именно, какъ «очная ставка», какъ отысканіе дѣйствительнаго (конечнаго, чеклаго) татя, какъ виндикація и др. Этотъ терминъ переводился Эверсомъ словомъ Umfrage, опросъ. Хотя профессоръ Гётцъ и находитъ, что, по существу своему («in ihrem Kern») этотъ переводъ и вѣренъ, такъ какъ при сводѣ происходитъ опросъ владѣльцевъ вещи, но, онъ, однако, полагаетъ, что слово сводъ слѣдуетъ передавать чрезъ слово «Ermittlung,» дознаніе, такъ что требованіе, изложенное въ 18 ст. II редакціи Русской Правды (по изданію В. И. Сергѣевича), съ которымъ виндикантъ обращается къ владѣльцу его вещи, а именно требованіе — «пойди на сводъ, кдѣ еси взялъ» — должно въ переводѣ быть изложено такъ: «Gehe mit zur Ermittelung, wo du es genommen hast» («Das Russische Recht», т. I, стран. 8 и сл.). Автору перевода кажется, что въ словѣ «Ermittlung» соединены оба разсматриваемые момента («in Betracht kommende Momente»)—«seitens des Klagenden Eigentümers die Nachfor-

schung, wer der Dieb ist, seitens des durch den Besitz der Sache in Verdacht des Diebstahls geratenen Inhabers des Gegenstandes die Nachweisung, dass er der Dieb nicht ist» (ibid., стран. 139, примѣч. 3). Мы должны прежде всего замѣтить, что вовсе не видимъ въ словѣ Ermittlung того сложнаго значенія, которое бы ясно отражало два основныхъ момента процесса свода, какое придается ему авторомъ перевода. Дѣло, однако, не въ томъ, отражаетъ ли это слово указанные два момента, а въ томъ, поскольку это слово соотвѣтствуетъ вообще внутреннему смыслу нашего термина сводъ. Самъ авторъ въ III томѣ своего изслѣдованія о Русской Правдѣ начинаетъ сомнѣваться въ полной пригодности слова Ermittlung для перевода термина сводъ [1]). У насъ же это сомнѣніе возникло уже непосредственно по обнародованіи проф. Гётцомъ своей «Программы» въ 1909 году, въ соотвѣтствіи съ тѣмъ значеніемъ термина сводъ, какое мы придали ему въ статьѣ нашей «Начальныя стадіи процесса виндикаціи движимостей по leges barbarorum» [2]), гдѣ мы, задолго до изслѣдованія проф. Гётца, уподобили сводъ Русской Правды интерціаціи (intertiatio, entiercement) leges barbarorum, термина передаваемаго по-нѣмецки словомъ «Dritthandverfahren». Въ текстѣ своего изслѣдованія проф. Гётцъ, впрочемъ, и самъ говоритъ, что процессъ свода, т.-е. «Ermittlungsverfahren», по его переводу, есть «Dritthahdverfahren», «процессъ третьей руки». Но, если это такъ, то и слѣдовало бы, можетъ быть, этимъ послѣднимъ терминомъ, какъ знакомымъ германистамъ, передать терминъ сводъ. Конечно, при этомъ пришлось бы отмѣтить гдѣ-либо и разницу между сводомъ Русской Правды и intertiatio (Dritthandverfahren) leges barbarorum. Дѣлая въ свое время уподобленіе свода интерціаціи мы думали, однако, что между тѣмъ и другимъ понятіемъ нѣтъ полнаго тожества. Подъ словомъ сводъ надо понимать сведеніе (какъ это нами доказывалось въ упомянутой статьѣ) съ себя владѣльцемъ вещи, опознанной у него ея собственникомъ, подозрѣнія въ кражѣ на третьяго, на того, у кого онъ ее пріобрѣлъ тѣмъ или инымъ правомѣрнымъ способомъ. У насъ доселѣ въ народной рѣчи употребляется прилагательное свёдчивый для характеристики человѣка, сводящаго обвиненіе въ чемъ-либо съ себя на другого. У чеховъ говорятъ on to svádí na mne — er schiebt

---

[1]) Это видно, между прочимъ, изъ слѣдующихъ его словъ: «Das Wortspiel des Textes сводъ — сведитеся, oder сведутся, wie die Karamzinsche Handschrift hat, lässt sich im Deutschen bei Uebersetzung von сводъ mit «Ermittlung», nicht gut wiedergeben» (Das R. Recht, т. III, стран. 159 примѣч. 1).

[2]) Сборникъ статей по исторіи права, посвященный М. Ф. Вл.-Буданову (Кіевъ, 1904 г., стран. 4 и сл.).

es auf mich [1]), т.-е. онъ сваливаетъ (сводитъ) это на меня. Затѣмъ, юридическій терминъ svod (сводъ), извѣстный и чешскому праву, чешскіе ученые производятъ отъ глагола свести — deducere. Этотъ терминъ, то остается въ древне-чешскихъ памятникахъ права, написанныхъ по-латыни, безъ перевода (какъ это мы укажемъ ниже), то переводится словомъ schub, производнымъ отъ глагола schieben, сдвигать, сваливать, сводить, откуда существительное, нынѣ извѣстное, Schub. Такъ, въ одномъ чешскомъ юридическомъ памятникѣ читаемъ: «Si dicit (владѣлецъ вещи, опознанной у него собственникомъ) se equum apud alium emisse et ad illum vult deducere, quod dicitur in vulgari schuben, sic de uno ad alium deducetur, donec verus venditor inveniatur» (ibid.). Здѣсь съ ясностью изображенъ процессъ свода, вполнѣ тожественный съ нашимъ, и терминъ сводить переданъ терминомъ Schuben. Если профессору Гётцу было желательно непремѣнно передать нашъ терминъ сводъ нѣмецкимъ терминомъ, то слѣдовало бы употребить для этого не слово Ermittlung, а слово Schub. Какъ намъ кажется, это тѣмъ болѣе допустимо, что, по толкованію Бруннера, Schub есть слово, которое въ верхне-нѣмецкомъ языкѣ означаетъ прежде всего рядъ auctor'овъ, т.-е. послѣдовательно идущихъ другъ за другомъ владѣльцевъ вещи (Gewährszug), черезъ которыхъ вещь, подлежащая виндикаціи, переходитъ въ третьи руки [2]). Такое значеніе слова Schub во всякомъ случаѣ гораздо ближе къ значенію слова сводъ, чѣмъ слово Ermittlung, Umfrage, а равно и русскія передачи значенія этого слова черезъ выраженіе «очная ставка», виндикація [3]) и пр. Впрочемъ, было бы вообще

[1]) Glossarium illustrans bohemico-moravicae historiae fontes (Brünn, 1876 г.), стран. 322.

[2]) «Das Oberdeutsche nennt dem Gewähren auch Schub, ein Wort, das zunächst den Gewährszug bedeutet, durch den ja die Sache der dritten Hand zugeschoben wurde», говоритъ проф. Бруннеръ, приводя также опредѣленіе London'a, что «Schub heisst auch die geschobene Sache und die Fürfangsgebühr» (Deutsche Rechtsgeschichte, II томъ, стран. 501 и примѣч. 39).

[3]) Наименованіе свода «очной ставкою», какъ это дѣлается, напр., И. И. Срезневскимъ въ его «Матеріалахъ для словаря древне-русскаго языка», нисколько не выражаетъ сущности термина сводъ по Русской Правдѣ, не говоря уже о томъ, что смѣшиваетъ вмѣстѣ двѣ совершенно различныя процессуальныя процедуры. Отожествленіе свода съ виндикаціею, что допускается М. Ф. Владимирскимъ-Будановымъ въ его «Христоматіи по исторіи русскаго права («сводъ — виндикація — есть процессъ по искамъ вещнымъ», см. примѣч. къ ст. 13 Академическаго списка) едва ли вполнѣ точно, такъ какъ сводъ есть только одинъ изъ моментовъ сложнаго процесса виндикаціи движимостей, т.-е. иска невладѣющаго собственника пропавшей вещи къ владѣющему ею не-собственнику. Замѣтимъ кстати, что въ недавнее время, уже послѣ напечатанія проф. Гётцемъ своего перевода, всѣ важнѣйшія данныя о сводѣ собраны были въ статьѣ проф. В. И. Курдиновскаго, Что такое «сводъ» нашего древняго права («Юридическія извѣстія», 1913 г., № 8, стран. 210 и сл.). Авторъ статьи приходитъ къ тому же выводу о значеніи свода, какой былъ нами высказанъ еще въ упомянутой выше статьѣ «Начальныя стадіи процесса» и пр. (ib., стран. 212 и сл.).

цѣлесообразнѣе оставлять всѣ техническіе термины, подобные вышеуказаннымъ, безъ перевода. Именно, въ виду нетолько чрезвычайной трудности, но нерѣдко и прямой невозможности передать термины первобытнаго права одного народа на языкѣ другого, слѣдовало бы при переводѣ древнѣйшихъ памятниковъ держаться правилъ, усвоенныхъ еще старыми западно-европейскими кодификаторами. Послѣдніе просто оставляли безъ перевода славянскіе термины, обозначающіе какіе-либо оригинальные юридическіе институты славянъ. Если мы, напр., обратимся къ древнему чешскому праву и раскроемъ извѣстныя Statuta ducis Ottonis (отъ 1229—1237 гг.)[1]), то увидимъ, что въ ихъ средневѣковую латынь, какъ брилліанты, вкраплены славянскіе термины и, между ними, тотъ же терминъ сводъ, о которымъ мы говорили выше. Такъ, въ § 10 этихъ статутовъ читаемъ:

Quando ducitur, quod dicitur svod, debet adesse castellani nuntius, judicis et villici et camerarii, et unus vel duo de viciniatu illo et ultra tres non ducatur, sed in tertio remaneat; et si convictus fuerit CC in cameram regis reddat denarios et illi, qui dicitur póvod, satisfaciat»[2]).

Этотъ примѣръ является далеко не единственнымъ и въ томъ же памятникѣ мы находимъ рядъ терминовъ, оставленныхъ въ ихъ славянской неприкосновенности. (Таковы, напр., термины nàrok, въ § 5, sok, въ § 7, druho, въ § 9 и др.) Приводимъ, напр., характерное постановленіе о третейскомъ судѣ:

§ 13. Illud etiam, quod dicitur slu bný súd, habeant inter se libere et absolute...

Славянскіе термины, вкрапленные въ латинскій текстъ, находимъ и въ другихъ памятникахъ чешскаго права (напр., въ извѣстномъ Privilegium ecclesiasticum отъ 1222 г.), а равно и въ памятникахъ польскаго права, хотя уже и болѣе рѣдко[3]). Вообще нельзя

---

[1]) О нихъ см. въ изслѣдованіи проф. Jan'a Kapras'a, Právní-Dějiny-zemi koruny ceskỳ» (V Praze, 1913 г.), т. I, 17 и сл.

[2]) Цитируемъ по изданію Г. Ирѣчка, Svod zákonuv slovanskỳch» (V Praze, 1880 г.), стран. 489. Упоминаемый въ § 10 терминѣ póvod «означаетъ истца и соотвѣтствуетъ латинскому actor. Интересно, что, хотя «póvod», по утвержденію одного изъ чешскихъ ученыхъ, «wörtlich und sachlich gleich dem lateinischen actor», кодификаторъ, однако, оставляетъ его благоразумно безъ перевода (Brandl, Glossarium, и пр., стран. 262, подъ словомъ póvod).

[3]) Въ польскихъ грамотахъ отъ XII—XIV вѣковъ мы встрѣчаемъ, напримѣръ, терминъ opole, соотвѣтствующій (по толкованію самихъ грамотъ) латинскому слову vicinia, подъ которымъ разумѣется территоріальное дѣленіе, или территоріальная единица, жители которой, когда-то обязанные круговой порукою по отысканію преступниковъ, освобождаются позднѣе отъ ея несенія. Такъ, напр., въ одной грамотѣ отъ 1145 г. читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: «absolvit omnes homines in premissis villis commorantes a vicinia, quod opole dicitur vulgariter»... (См. И. М. Собѣстьянскій, Круговая порука у славянъ по древнимъ памятникамъ ихъ законодательства, Харьковъ, 1888 г., стран. 111 и сл.)

не пожалѣть, что авторъ перевода и изслѣдованій о Русской Правдѣ не принялъ во вниманіе древнѣйшихъ славянскихъ памятниковъ права. Они указали бы ему либо болѣе подходящіе нѣмецкіе термины для перевода на нѣмецкій языкъ общеславянскихъ терминовъ, съ которыми нѣмцамъ уже вѣка тому назадъ приходилось имѣть дѣло. При этомъ и формула Русской Правды — «пойди на сводъ, гдѣ еси взялъ», — вылилась бы, по всей вѣроятности, у автора не въ слова «Gehe mit zur Ermittlung, wo du es genommen hast», а въ слова «Gehe mit zum Schub, wo du es genommen hast», а, можетъ быть, навели бы его на мысль оставлять безъ перевода тѣ изъ юридическихъ терминовъ нашего памятника, которые, по ихъ своеобразію, не поддаются точной передачѣ на чужомъ языкѣ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда эта передача возможна, слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, брать для перевода слова, наиболѣе подходящія этимологически. Такъ, напр., съ этой точки зрѣнія, своеобразный терминъ Русской Правды задница ближе всего можно было бы перевести словами Hinterlassenschaft, или Nachlass, а не словомъ Erbschaft, какъ переводитъ проф. Гётцъ. Затѣмъ ни съ этимологической точки зрѣнія, ни съ точки зрѣнія юридическаго смысла древняго нашего термина рядъ, нельзя этотъ терминъ передавать, какъ дѣлаетъ авторъ, словами testamentarische Verfügung, тестаментарное распоряженіе, такъ какъ рядъ Русской Правды, въ смыслѣ предсмертнаго договора, условія отца съ членами семьи объ ихъ общемъ имуществѣ [1]), мало похожъ на тестаментъ, какъ актъ умирающаго собственника, свободно распоряжающагося своимъ имуществомъ, почему формулу Русской Правды — паки ли безъ ряду умреть, — кажется, слѣдовало бы перевести не словами «stirbt er dagegen ohne testamentarische Verfügung», какъ переводитъ ее проф. Гётцъ, а словами — «wenn er stirbt aber ohne Erbverfügung» или «ohne Erbvergleich», т.-е. безъ ряда, договора о наслѣдствѣ, безъ соглашенія о наслѣдствѣ [2]). По вѣрному, на нашъ взглядъ, выводу проф. Ernst'a

---

[1]) Такой характеръ древняго завѣщанія сохраняется частью и доселѣ въ крестьянскомъ нашемъ быту, поскольку имущество разсматривается «какъ продуктъ общаго хозяйства и личнаго труда членовъ семьи» (см. С. В. Пахманъ). Обычное гражданское право въ Россіи, т. II, С.-Пб., 1879 г., стран. 316 и сл., ср. также гл. VII Г. С. Мэна, Древніе и новые взгляды на завѣщаніе и пріемство въ его «Древнемъ правѣ» (С.-Пб., 1873 г.), стран. 170 и сл.

[2]) Можетъ быть ближе всего слово рядъ въ данномъ случаѣ слѣдовало бы перевести терминомъ Erbvertrag, но такъ какъ въ нѣмецкой ученой литературѣ этому термину придается особое спеціальное значеніе, то осторожнѣе будетъ передать по-нѣмецки нашъ терминъ рядъ здѣсь словомъ Erbverfügung, если уже такая передача необходима непремѣнно (о значеніи термина Erbvertrag въ средніе вѣка см. R. Schröder, Lehrbuch der deutschen

Rabel'я отцовскіе раздѣлы «наслѣдства встрѣчаются у очень многихъ народовъ въ тѣ времена, когда они еще не знаютъ тестамента» [1]).

Таковы наши возраженія на нѣкоторыя особенности перевода проф. Гётца.

III.

Одною изъ весьма характерныхъ чертъ изслѣдованій проф. Гётца о «Русской Правдѣ», на которой нельзя не остановиться, является его попытка «сравненія древне-русской правовой жизни» съ таковою же жизнью «другихъ народовъ» (т. I, стран. VI). Не говоря уже объ отдѣльныхъ замѣчаніяхъ, разсѣянныхъ тамъ и здѣсь въ I томѣ разбираемаго труда по отношенію къ данному вопросу, цѣлая III часть его (стран. 232—269) посвящена уясненію отношенія древнѣйшей редакціи «Русской Правды» «къ другимъ не-русскимъ памятникамъ права («zu anderen, nichtrussischen Rechtsturkunden»). Въ этой части авторъ трактуетъ объ отношеніи древнѣйшей редакціи къ договорамъ русскихъ съ греками отъ 911 и 945 гг. (§ 15), объ отношеніи ея къ византійскому праву и къ такъ наз. «закону судному людемъ царя Константина Великаго» (§§ 16 и 17), къ германскимъ leges barbarorum (§ 18) и, наконецъ, къ старошведскому праву (§ 19). Во II томѣ почтенный нѣмецкій ученый также не разъ возбуждаетъ вопросъ о родствѣ германскихъ «Правдъ» съ Русскою Правдою» и о вліяніи ихъ на нашу «Правду»; въ третьемъ — онъ снова ставитъ вопросъ объ этомъ вліяніи, въ четвертомъ — опять говоритъ какъ объ этомъ вліяніи, такъ и его «элементахъ въ третьей редакціи»[2]), при чемъ въ послѣднемъ томѣ высказываетъ по данному вопросу своего рода ересь, а именно утверждаетъ, что «германо-скандинавское вліяніе на «Русскую Правду» больше, чѣмъ византійское» (т. IV, стран. 79), между тѣмъ какъ большинство русскихъ ученыхъ (по автору — даже всѣ) держится противоположнаго взгляда. Не входя пока въ обсужденіе дѣла по существу, замѣтимъ,

---

Rechtsgeschichte, Leipzig, 1898 г., стран. 334, 728, 739 и C. v. Schwerin, Deutsche Rechtsgeschichte, въ «Grundriss der Geschichtswissenschaft», т. II, 5 отд., стран. 103 и сл.).

[1]) «Elterliche Teilungen, von E. Rabel aus der Festschrift zur 49 Versammlung deutscher Philologen und Schulmänner». Basel 1907 г., стран. 527.

[2]) Къ достоинствамъ изданій проф. Гётца о «Русской Правдѣ» надо отнести превосходные именные и предметные указатели, сопровождающіе каждый томъ; по данному вопросу — см. «Sachregister», подъ словами «Germanische Rechte», «Germanische Volksrechte» и т. п., «Byzanz», «Friedensverträge» и пр., въ которыхъ отмѣчены всѣ мѣста его изслѣдованій, говорящія о тѣхъ или иныхъ отношеніяхъ нормъ нашей «Правды» къ иноземнымъ нормамъ; кромѣ того, здѣсь же находимъ указатели всѣхъ иноземныхъ нормъ, называвшихся авторомъ въ текстѣ его труда.

что, ставя вопросъ объ отношеніи «Русской Правды» къ иноземнымъ памятникамъ права вообще и въ частности къ leges barbarorum, авторъ пошелъ навстрѣчу настоятельной необходимости. Такъ какъ изслѣдованія проф. Гётца о «Русской Правдѣ» появились на нѣмецкомъ языкѣ, то, благодаря этому, нашъ памятникъ прежде всего открылся для изученія иностранныхъ ученыхъ, говоримъ — открылся, въ виду того, что и переводъ «Русской Правды» и комментаріи къ ней впервые даются въ такой полнотѣ и всесторонности, что позволяетъ германистамъ войти болѣе глубоко въ изученіе Русской Правды. Въ виду того, что большинству иностранныхъ ученыхъ «Русская Правда» была, въ цѣломъ, мало извѣстна въ своихъ юридическихъ институтахъ, сопоставленіе послѣднихъ съ таковыми же институтами leges barbarorum, что̀ дѣлается постоянно проф. Гётцемъ, весьма облегчаетъ для нихъ ознакомленіе съ первыми черезъ посредство послѣднихъ, ими, въ общемъ, отлично изученныхъ. Затѣмъ авторъ, ставя вновь вопросъ о «Русской Правдѣ», въ связи съ leges barbarorum, идетъ навстрѣчу тому интересу къ сравнительной исторіи права, который уже давно у насъ сказывался (въ трудахъ Н. Д. Иванишева, С. М. Шпилевскаго, Ѳ. И. Леонтовича, М. М. Ковалевскаго и др.) и который въ недавнее время снова оживился, благодаря трудамъ рано, къ сожалѣнію, умершаго, талантливаго ученаго Н. П. Павлова-Сильванскаго. Въ частности, загадочная доселѣ проблема происхожденія «Русской Правды» и уясненіе вопроса, изъ какихъ скрещивающихся вліяній она выросла, все еще является предметомъ спора и вызываетъ рядъ противоположныхъ воззрѣній. Говоримъ вліяній, а не заимствованія «Русской Правды», такъ какъ послѣднее представляется намъ совершенно невѣроятнымъ и противорѣчащимъ тому общему представленію, какое у насъ сложилось о ней. Намъ кажется, что всего правильнѣе подъ «Русскою Правдою», въ цѣломъ, разумѣть сборники древняго нашего права, составлявшіеся, въ теченіи XI—XIII вѣковъ, частными лицами и содержавшіе въ себѣ записи народнаго обычнаго права, уставы и судебныя рѣшенія князей, а равно и нѣкоторыя нормы, рецепированные изъ византійскихъ юридическихъ памятниковъ, обращавшихся тогда на Руси[1]). Медленность сложенія «Русской Правды», съ одной стороны, преобладаніе въ ней народныхъ юридическихъ обычаевъ и нормъ, исходившихъ тѣмъ или инымъ путемъ отъ князей (не рѣдко лишь выбиравшихъ притомъ изъ борющихся въ населеніи право-

[1]) См. о происхожденіи «Русской Правды» и ея первоисточникахъ въ нашемъ Учебникѣ исторіи русскаго права, изданіе 5-е (Юрьевъ, 1914 г.), стран. 87—98, стран. 103—114; ср. также стран. 26—35).

воззрѣній тѣ или иныя, а затѣмъ ихъ санкціонировавшихъ), съ другой, исключаетъ возможность прямого переноса, или заимствованія, «Русской Правды», какъ таковой, изъ иноземныхъ первоисточниковъ. Въ цѣломъ она сохраняетъ характеръ памятника древнеславянскаго права. Такой характеръ ея вообще признается не только русскими, но и славянскими учеными, нерѣдко цитирующими нашу «Правду», при изображеніи древнѣйшаго юридическаго быта ихъ народностей, какъ свой родной источникъ [1]). Вопросъ о происхожденіи «Русской Правды» тѣмъ не менѣе не разъ ставился, да и донынѣ еще ставится, въ ученой историко-юридической литературѣ. Примѣръ этого мы находимъ въ настоящее время нетолько въ трудѣ проф. Гётца, но и въ рядѣ другихъ, недавно появившихся. На «Русскую Правду», какъ на нѣкую сказочную красавицу, не разъ зарились, да и доселѣ еще зарятся многіе, оспаривая честь считать ее своею. Если для насъ ея славянское происхожденіе — внѣ сомнѣнія, то было время, когда ее считали норманкою [2]), затѣмъ византійкою, германкою, а въ послѣднее время даже еврейкою и римлянкою, достаточно, впрочемъ, обрусѣвшими, не безъ сомнѣнія, однако, въ какомъ именно стилѣ — въ великорусскомъ или украинскомъ. Не восходя къ старинѣ, мы видимъ, напр., что проф. Гётцъ почасту и многообразно касается ея якобы германо-скандинавскихъ чертъ, пытаясь исторгнуть ее изъ византійскихъ нѣдръ. Ему, изъ далекой Сибири, подаетъ руку новѣйшій русскій изслѣдователь, также несогласный признавать ея византійскаго происхожденія, но не съ тѣмъ, однако, чтобъ уступить ее нѣмцамъ, а съ тѣмъ, чтобъ возстановить ея чисторусскій обликъ [3]). Совсѣмъ недавно у «Русской Правды» — по крайней мѣрѣ у ея древнѣйшей редакціи — открылись новые родители, на этотъ разъ — чистые древніе римляне, о которыхъ прежде никто вовсе и не подозрѣвалъ даже. Именно, въ своемъ любопытномъ «Опытѣ критическаго изслѣдованія Русской Правды» проф. Н. А. Максимейко подробно развиваетъ вопросъ о вліяніи римскаго права на краткую редакцію «Русской Правды», при чемъ говоритъ слѣдующее: «останавливаясь въ этой главѣ (IV) на

[1]) См. напр., изслѣдованія Г. Ирѣчка, Slovanské právo v Cechách a na Moravě (V Praze, 1863 г.) и его же, Das Recht in Böhmen und Mähren (Prag, 1866 г.); ср. также характеристику Р. Дареста «Русской Правды», какъ «памятника древняго славянскаго права» («Изслѣдованія по исторіи права», переводъ Н. Чеботаревскаго, С.-Пб., 1894 г., стран. 191 и сл.). Указанный характеръ «Русской Правды» въ цѣломъ признается и проф. Гётцемъ.

[2]) См. объ этомъ интересный очеркъ Ѳ. В. Тарановскаго — Норманская теорія въ исторіи русскаго права (Варшава, 1909 г.).

[3]) Дм. Голенищевъ-Кутузовъ — Русская Правда и Византія. Опытъ историко-юридической монографіи. Иркутскъ, 1913 г.; ср. рецензію объ этой монографіи въ «Журналѣ Мин. Юстиціи», 1914 г., февраль.

выясненіи связи между «Русскою Правдою» и римскимъ правомъ, я подъ именемъ послѣдняго разумѣю не Эклогу и Прохиронъ, извѣстные нашимъ предкамъ изъ Кормчей книги въ славяно-русскомъ переводѣ, и даже не Василики съ ихъ многочисленными схоліями, которые очень близко стояли къ римскимъ источникамъ и въ огромной мѣрѣ воспроизводили ихъ содержаніе. Нѣтъ, я имѣю въ виду непосредственно законодательство Юстиніана, свободное отъ тѣхъ примѣсей и сокращеній, которыя были внесены въ него византійской официальной кодификаціею. Другими словами, мнѣ предстоитъ трудная и рискованная задача показать, что «Русская Правда» составлена подъ вліяніемъ римскаго права въ чистомъ его видѣ» (разрядка въ цитатѣ вездѣ наша) [1]). Мы вполнѣ согласны съ авторомъ, что онъ поставилъ себѣ «трудную и рискованную задачу». Для насъ лично проблематичность этихъ новыхъ родителей нашей милой народной «Правды Русской» — внѣ сомнѣнія, но, разъ они уже заявлены, нельзя закрыть глазъ на ихъ существованіе, и приходится, во всякомъ случаѣ, о нихъ упомянуть, когда дѣло идетъ о происхожденіи памятника. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ неожиданно и незамѣтно, а именно, при полномъ игнорированіи русскихъ ученыхъ, объявились еще новые производители «Русской Правды» — древне-еврейскіе законы, изъ коихъ оказались прямо заимствованными многія отдѣльныя ея постановленія [2]). Проф. Гётцъ справедливо, на нашъ взглядъ, умалчиваетъ объ этихъ новыхъ производителяхъ нашей Правды, но одинъ изъ русскихъ ученыхъ въ недавнее время замѣтилъ (разбирая изслѣдованіе И. И. Яковкина о закупахъ «Русской) Правды», что «труды Барана по еврейско-хозарскому вліянію на русское право» «совершенно напрасно» имъ

---

[1]) Харьковъ, 1914 г., стран. 114; доказательства въ пользу утвержденія автора см. на стран. 114—206.

[2]) Это доказывается Г. М. Барацемъ, который, давъ «возстановленіе текста и объясненіе параллельныхъ договорной Правды (т.-е. договоровъ русскихъ съ греками) статей въ «Русской Правдѣ», въ заключеніе говоритъ: «приведенныя параллели еще разъ подкрѣпляютъ мысль о близкомъ сходствѣ многихъ положеній древне-русскаго права, съ одной стороны, съ монгольскимъ, а съ другой, и притомъ въ несравненно большей мѣрѣ съ еврейскимъ правомъ — сходствѣ, могущемъ быть объясненнымъ не случайнымъ совпаденіемъ и не тѣмъ, что «азіатскіе народы XVII вѣка жили въ условіяхъ почти одинаковыхъ съ русскими XI—XII вѣковъ», какъ выразился проф. Вл.-Будановъ, а также не единствомъ природы духа человѣческаго», по замѣчанію того же ученаго, «а прямымъ заимствованіемъ отдѣльныхъ постановленій правомъ одного народа изъ права другого...» (разрядка наша). См. гл. IV сочиненія названнаго автора «Критико-сравнительный анализъ договоровъ Руси съ Византіею. — Возстановленіе текста, переводъ, комментарій и сравненіе съ другими правовыми памятниками, въ частности—съ Русскою Правдою» (Кіевъ, 1910 г.), стран. 226).

(какъ и другими учеными) игнорируются: «несмотря на всѣ ихъ преувеличенія, зерно-то истины (хозарское вліяніе) въ нихъ есть»[1]). Мы не можемъ входить здѣсь въ разсмотрѣніе возбужденнаго вопроса о хозарскомъ вліяніи на «Русскую Правду», но должны, однако, замѣтить, что Г. М. Барацъ говоритъ вовсе не о вліяніи, что еще, можетъ быть, допустимо, но о прямомъ заимствованіи, на что нѣтъ данныхъ, при чемъ пользуется для доказательства своего основного положенія такими пріемами, которые отрицаются западно-европейскою критикою[2]). Во всякомъ случаѣ, какъ видно изъ приведенныхъ выше указаній, попытка проф. Гётца произвести сравненіе, или правильнѣе говоря — сопоставленіе нормъ «Русской Правды» съ нормами другихъ народовъ уже потому, между прочимъ, заслуживаетъ вниманія, что касается вопроса далеко не сошедшаго съ очереди, вопроса сложнаго и важнаго, какъ вообще для сравнительнаго правовѣдѣнія, не могущаго игнорировать «Русской Правды», такъ въ частности и для исторіи нашего права. Авторъ, какъ уже указывалось, производитъ свои изысканія объ отношеніи «Русской Правды» къ договорамъ съ греками, къ византійскому праву, къ германскимъ leges barbarorum, къ древне-шведскому праву, а равно и указываетъ попутно на другіе русскіе, или родственные нашему праву, памятники, какъ, напр., на Литовскій статутъ, на Законникъ царя Душана и пр. Размѣры нашей рецензіи позволяютъ намъ остановиться только на одномъ изъ указанныхъ вопросовъ, а именно на вопросѣ объ отношеніи «Русской Правды» къ германскому праву. Это мы дѣлаемъ тѣмъ охотнѣе, что вопросъ о вліяніи византійскаго права на русское, а равно и вопросъ объ отношеніи «Русской Правды» къ договорамъ Олега и Игоря (о чемъ авторъ

---

[1]) С. А. Шумаковъ въ рецензіи на указанное изслѣдованіе въ «Юридической Библіографіи», Ярославль, 1913 г., № 1—2 (за 1913—14 г.), стран. 3 и сл.

[2]) Въ разборѣ названнаго выше труда Г. М. Баранца — Критико-сравнительный анализъ договоровъ Руси съ Византіею, — нѣмецкій рецензентъ указываетъ такой общій результатъ его операцій надъ текстомъ договоровъ: «reine Phantasiegebilde, willkürliche Konstruktionen ohne historische und handschriftliche Grundlage, Urkunden, die zwar den Vorzug einer vollkommenen Verständichkeit besitzen, aber mit dem wirklich Ueberlieferten nichts mehr zu tun haben. So lassen sich freilich leicht rechtsvergleichende Studien treiben». По отношенію къ «Русской Правдѣ», рецензентъ замѣчаетъ: «auch die «Russkaja Prawda», das älteste russische Rechtsbuch, muss sich in einem eigenen Kapitel die «chirurgische Behandlung der Artikel», gefallen lassen, die Baraz besonders zur Vergleichung mit den Verträgen heranzieht. Ueber den Wert sachlicher Auseinandersetzungen, die auf derartigen philologischen Grundlage ruhen, ist im Ernste kein Wort zu verlieren» («Byzantinische Zeitschrift», XX Band, 1 и 2 Heft, стран. 525, рецензіи Richard'a, Solomon'a). Кажется при наличности такихъ отзывовъ не приходится вовсе упрекать ученыхъ за игнорированіе выводовъ названнаго автора.

не разъ говоритъ въ I—III томахъ), въ общемъ, не возбуждаютъ въ насъ такихъ сомнѣній, какъ вопросъ объ отношеніи нашей Правды къ leges barbarorum (изъ числа тѣхъ, конечно, съ которыми оперируетъ разбираемый авторъ). Но прежде, чѣмъ мы отмѣтимъ нѣкоторыя изъ нашихъ сомнѣній, позволимъ себѣ сдѣлать общую характеристику того метода, къ которому прибѣгаетъ почтенный нѣмецкій ученый при своихъ сравнительныхъ этюдахъ по тому или другому вопросу. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ профессоръ Гётцъ, при подобныхъ этюдахъ, не идетъ далѣе простого сопоставленія нормъ «Русской Правды» съ соотвѣтствующими, по его мнѣнію, нормами германскихъ Правдъ, а равно бѣглаго констатированія, при случаѣ, сходствъ и различій между сопоставляемыми нормами древне-русскаго и древне-германскаго права, при чемъ не углубляется подробно въ изученіе ихъ внутренней сущности, не рисуетъ всего своеобразія ихъ въ системѣ того и другого права. Принимая во вниманіе, что основною задачею автора было изученіе не одного какого-либо юридическаго института «Русской Правды», а объясненіе ея текстовъ въ составѣ всѣхъ трехъ ея главныхъ редакцій, нельзя, конечно, и требовать отъ автора такого углубленія, возможно только при монографическомъ изслѣдованіи того или иного института. И если бъ авторъ ограничился однимъ только указаніемъ на сходства и различія постановленій нашего памятника съ постановленіями leges barbarorum, противъ его сопоставленій не только нельзя было бы ничего возразить, но его надо было бы лишь горячо привѣтствовать: то, что онъ сдѣлалъ, въ качествѣ перваго шага, къ сравнительному анализу «Русской Правды» и leges barbarorum, весьма цѣнно и составляетъ не малую заслугу, особенно со стороны иностраннаго ученаго. Авторъ, однако, не всегда удерживается на указанной позиціи, вполнѣ допустимой, какъ сказано, въ виду общаго характера его труда, но пытается итти дальше, а именно онъ говоритъ уже о прямыхъ заимствованіяхъ нашей Правды изъ leges barbarorum, о переносѣ нѣкоторыхъ германскихъ нормъ въ древне-русское право (см., напр., II томъ, стран. 232). Эта попытка встрѣтила уже нѣкоторую суровую отповѣдь въ русской ученой критикѣ [1]). Справедливость требуетъ, впрочемъ, замѣтить, что проф. Гётцъ возбуждаетъ вопросъ о прямомъ переносѣ въ нашу Правду германскихъ нормъ далеко не во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда сходство этихъ послѣднихъ нормъ съ нормами «Русской

[1]) См. М. А. Дьяконовъ, ibid., стран. 7 и сл.; А. В. Флоровскій, ibid., 27 и сл.

Правды» давало къ тому поводъ. Тѣмъ болѣе поэтому приходится сожалѣть, что осторожность въ выводахъ по вопросу о заимствованіяхъ почему-то иногда его оставляетъ. Намъ кажется при этомъ, что авторъ вообще и не долженъ бы былъ ставить этого сложнаго вопроса, такъ какъ разрѣшеніе его вовсе не поддается тому методу простого сопоставленія сходствъ и различій, которыя нерѣдко очень бѣгло отмѣчаются авторомъ при сравненіи нормъ «Русской Правды» съ нормами leges barbarorum. Въ самомъ дѣлѣ, чтобъ говорить о переносѣ нормъ чужеземнаго права въ юридическіе памятники какого-либо народа, надо, во-первыхъ, основательно изслѣдовать, было ли данному народу вообще извѣстно, тѣмъ или инымъ путемъ, это чужеземное право, а, во-вторыхъ, детально изучить сравниваемые институты, чтобы ясно видѣть, поскольку и въ чемъ переносимый институтъ повторяетъ основныя черты своего первообраза. Ни того, ни другого авторомъ не дѣлается въ сколько-нибудь убѣдительномъ для ученаго видѣ, да и, повторяемъ, немогло дѣлаться, въ виду той широкой основной задачи, какую онъ себѣ самъ поставилъ (и, въ общемъ, отлично выполнилъ). А именно, авторъ задался цѣлью, какъ уже указывалось, не монографическаго изученія отдѣльныхъ правовыхъ институтовъ нашего памятника, но задачею «всеохватывающаго обширнаго изображенія «Русской Правды», какъ единаго цѣлаго» («zusammenfassende grössere Darstellung des Russischen Rechtes als eines Ganzen» (т. I, стран. V). Но мыслимо ли, однако, при достиженіи этой цѣли силами одного ученаго, въ то же время производить сложный историко-сравнительный анализъ отдѣльныхъ институтовъ? Авторъ его вообще и не производитъ, но при этомъ, какъ это и понятно, остаются мало-доказательными его попытки считать заимствованными изъ германскаго права отдѣльные юридическіе институты нашей Правды, такъ какъ именно подобныя попытки такого-то анализа и требуютъ.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о методѣ, примѣняемомъ авторомъ при своихъ сравнительныхъ изысканіяхъ, обратимся къ самимъ этимъ изысканіямъ. Какъ уже указывалось нами, проф. Гётцъ вообще признаетъ древнѣйшую редакцію «Русской Правды» за памятникъ «до-варяжскаго, пра-славянскаго, а, слѣдовательно, дѣйствительно, русскаго права». Только двѣ «добавки» къ памятнику обнаруживаютъ, по автору, свое «германское происхожденіе» (germanische Abstammung) и тѣмъ нарушаютъ цѣльность содержанія его древнѣйшей редакціи, а именно опредѣленія, изложенныя въ § 13 (съ ихъ дополненіемъ въ § 14) и въ § 16. Обѣ эти добавки могли быть взяты, по мнѣнію проф. Гётца, изъ Салической

Правды[1]). Думаемъ, что, когда утверждается возможность заимствованія изъ одного памятника права въ другой, то для научной достовѣрности такого утвержденія прежде всего необходимо доказательство, что памятникъ, послужившій прототипомъ для заимствованныхъ нормъ, былъ извѣстенъ тому народу, который взялъ изъ него тѣ или иныя правоположенія. Нечего говорить, что такое доказательство весьма рѣдко находится въ наличности для древнѣйшихъ эпохъ, отъ которыхъ до насъ дошло такъ мало извѣстій о кодификаціи. Разбираемый авторъ, однако, положительно указываетъ на «Салическую и Рипуарскую Правды», какъ на первоисточникъ указанныхъ выше §§, или статей, древнѣйшей редакціи, не имѣя, разумѣется, никакой возможности чѣмъ-либо, точно и опредѣленно, подтвердить своего указанія. Тѣ же общія соображенія, какія имъ приводятся въ доказательство своей мысли, — а именно, что русскіе славяне знали, въ лицѣ варяговъ, западноевропейцевъ, а черезъ нихъ-де они получили также и знакомство съ германскими «Правдами» и ихъ опредѣленіями (какъ, напр., съ опредѣленіями «Салической Правды», вошедшими въ указанные выше §§ «Русской Правды», I т., стран. 125), если даже ихъ признать вполнѣ правильными — говорятъ лишь за возможность вліянія вообще германскаго права на нашъ памятникъ, а не за прямое заимствованіе непремѣнно изъ «Салической и Рипуарской (какъ авторъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ своего труда, I, стран. 137 и сл.) Правдъ». Между тѣмъ, авторъ именно настаиваетъ на послѣднемъ. Это обстоятельство заставляетъ насъ разсмотрѣть вопросъ уже по существу, т.-е. попытаться сравнить самыя нормы указанныхъ статей, чтобы опредѣлить вполнѣ точно, насколько онѣ повторяютъ чужой, указанный проф. Гётцемъ, образецъ.

Что касается прежде всего §§ 13 и 14 I редакціи, взятыхъ якобы изъ «Салической Правды», то достаточно взглянуть на нихъ, въ параллельномъ изложеніи[2]), чтобы убѣдиться, что ни въ редакціи, ни въ содержаніи ихъ нормъ нѣтъ сходства, которое, однако, должно было бы сказаться при «прямомъ заимствованіи». «Русская

[1]) На стран. 257 I тома читаемъ: «Oben S. 118 ff. habe ich I, 13 das Hinund Herstossen als ein Zusatz zum ursprünglichen Bestand der ältesten Redaction erklärt, der mit der Bestimmung von I, 18 aus des Lex Salica XXXI de via lacina entnommen sein mag»; на стран. 123 авторъ указываетъ, что «eng mit I, 13 verbunden ist I, 14» («Русской Правды») ср. также стран. 259 и сл.

[2]) *Русская Правда, I редакція:*

13. Аще ли ринеть мужь мужа любо отъ собе, любо къ собѣ, 3 гривнѣ. А видока два выведеть.

Lex Salica, XXXI tit. *de via lacina:*

1. Si quis baronem ingenuum de via sua ostaverit aut inpinxerit, mal. via lacina, hoc est DC din., qui faciunt sol. XV, culpabilis judicetur.

Правда» говоритъ о недопустимости личнаго оскорбленія однимъ мужемъ другого, выразившимся въ «толчкахъ» — «любо отъ собе, любо къ собѣ» («Hin- und Herstossen», какъ переводитъ профессоръ Гётцъ, I, 105), говоритъ также, что преступленіе это доказывается посредствомъ приведенія двухъ видоковъ, при чемъ дѣлаетъ исключеніе для иноземцевъ, дозволяя имъ, вмѣсто этого, принести присягу въ удостовѣреніе доказательства даннаго преступленія; «Салическая же Правда» имѣетъ въ виду спеціальный случай прегражденія, посредствомъ насилія, свободному мужу (baro), или благородной женщинѣ, дороги всякимъ; она при томъ ничего не говоритъ о доказательствѣ преступленія. Чтобы додуматься до мысли о недопустимости оскорбленія свободнаго свободнымъ, русскимъ славянамъ вовсе не нужно было имѣть знакомства съ «Салической Правдою». Славянамъ и антамъ, которые издревле живутъ, по словамъ Прокопія, «въ демократіи» («*ἐν δημοκρατίᾳ ἐκ παλαιοῦ βιοτεύουσι*») могло быть присуще чувство личнаго достоинства, не меньше, чѣмъ древнимъ германцамъ, а отсюда и его защита въ «Русской Правдѣ». Затѣмъ, даже если видѣть въ указанныхъ постановленіяхъ, какъ утверждаетъ проф. Гётцъ — «verwandte Bestimmung», т.-е. нѣчто родственное, то отчего-бы не допустить (какъ это вполнѣ основательно дѣлается почтеннымъ авторомъ въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ), что здѣсь дѣло идетъ вовсе не о прямомъ заимствованіи», а лишь о проявленіи» тѣхъ общихъ сходствъ между «Русскою Правдою» и leges barbarorum, которыя не разъ можно констатировать при параллельномъ ихъ изученіи (I т., стран. 252 и сл.). Въ разбираемыхъ статьяхъ одно изъ этихъ сходствъ выразилось въ защитѣ свободнаго мужа отъ оскорбленія, нанесеннаго ему другимъ, хотя и по разнымъ случаямъ и при разной процессуальной обстановкѣ. Мы понимаемъ, конечно, что авторъ долженъ былъ признать указанные §§ 13 и 14 I редакціи особою «добавкою» къ древнѣйшему тексту памятника, содержащему, по его утвержденію, «доваряжское право», такъ какъ упоминаніе «1-й Правды» о варягѣ не допускало отнесенія даннаго постановленія къ праславянскому періоду, но отсюда еще очень далеко до

---

14. Аще будеть варягъ любо колбякъ, то на роту.

2. Si quis mulierem ingenuam de via sua ostaverit, aut inpinxerit, mal. machina, hoc est MDCCC din. qui faciunt sol. XLV, culpab. judicetur.

(Т.-е., если кто собъетъ, или столкнетъ, съ большой дороги благороднаго мужа или женщину, то присуждается къ платежу 600 или 1800 динаріевъ, составляющихъ 15 или 45 солидовъ).

оправданія теоріи заимствованія этого постановленія, какъ вообще изъ leges barbarorum, такъ, наипаче, изъ одного опредѣленнаго lex'a — «Салическаго закона».

Другое заимствованіе въ древнѣйшей редакціи авторъ видитъ въ § 18, трактующемъ о сводѣ. Это заставляетъ насъ снова вернуться къ вопросу о сводѣ, котораго мы, впрочемъ, раньше коснулись только по одному поводу, а именно по поводу перевода авторомъ этого техническаго термина нашей «Правды»; теперь намъ придется говорить о самомъ институтѣ свода, какъ таковомъ. Проф. Гётцъ весьма рѣшительно утверждаетъ переносъ этого института въ нашу «Правду» изъ германскаго права. По его словамъ: «Das Ermittlungsverfahren» (т.-е. процессъ свода), какъ онъ изображенъ въ I (ред.), 18 (§) — нѣмецкаго происхожденія («ist germanischen Ursprungs»), «это есть процессъ третьей руки» («es ist das Dritthandverfahren»), какъ онъ описанъ въ (§) XXXVII «Салической Правды» de vestigio minando и въ (§) XXXIII Рипуарской. Изъ германскаго права присовокупленъ онъ, какъ добавка (als Zusatz), къ древнѣйшей редакціи «Русской Правды», подобно той «добавки», которая была указана по отношенію къ § 13 (I т., стран. 137—138). Въ заключительномъ § 18 къ I тому (по вопросу объ отношеніи древнѣйшей редакціи къ германскому праву) авторъ снова возвращается къ германскому происхожденію свода и замѣчаетъ слѣдующее: «мѣста древнѣйшей редакціи, I, 18, и I, 21 (§§), которыя говорятъ о «процессѣ третьей руки» («vom dem Ermittlungsverfahren»), т.-е. о сводѣ, «я обозначилъ, какъ добавки, которыя присовокуплены къ первоначальному составу древнѣйшей редакціи изъ германскаго права». Приведеніе соотвѣтствующихъ мѣстъ изъ § XXXVII «Салической Правды» не имѣетъ, по автору, «никакой цѣли», такъ какъ въ древнѣйшей редакціи «Правды» взятъ «не ихъ буквальный смыслъ» (nicht ihr Wortlaut»), а приведенъ лишь изложенный въ нихъ процессъ виндикаціи собственности, въ частности — виндикаціи раба (стран. 259 и сл.). Другими словами, тамъ и здѣсь говорится о процедурѣ свода. Это, конечно, вѣрно, и разъ авторъ ограничился бы только простымъ констатированіемъ даннаго факта, онъ могъ бы поступить такъ, какъ поступилъ онъ, т.-е. отослать желающихъ ознакомиться съ «Ermittlungverfahren» и нашимъ сводомъ «къ соотвѣтствующимъ мѣстамъ «Салической и Русской Правдъ», имъ точно указываемыхъ. Но, если авторъ утверждаетъ фактъ заимствованія «Русскою Правдою» «свода» изъ чужого источника [1]), для него было обяза-

[1]) Замѣтимъ еще, что, утверждая фактъ заимствованія свода «Русскою Правдою» изъ чужого источника, проф. Гётцъ первоначально (какъ видно

тельно не только параллельное приведеніе соотвѣтствующихъ мѣстъ сравниваемыхъ памятниковъ права, но и ихъ детальное истолкованіе, на основаніи котораго можно было бы убѣдиться точно и опредѣленно, что нашъ сводъ дѣйствительно германскаго происхожденія. Такое истолкованіе—дѣло вообще нелегкое; оно возможно, притомъ лишь при монографическомъ и самомъ внимательномъ изслѣдованіи сложнаго процесса виндикаціи движимостей по «Русской Правдѣ» и leges barbarorum. Авторъ, въ виду той задачи, которую онъ себѣ поставилъ при изслѣдованіи «Русской Правды» и о которой мы уже говорили, не могъ, разумѣется, предпринять такого изслѣдованія, но, въ такомъ случаѣ, онъ и не долженъ былъ бы голословно утверждать того, что еще подлежитъ доказательству, на основаніи детальнаго сравнительнаго анализа нормъ нашей «Правды» и хотя бы двухъ «франкскихъ Правдъ» по вопросу о структурѣ свода и intertiatio («Dritthandverfahren») тамъ и здѣсь. Только тогда и можно было бы поставить вопросъ о заимствованіи (если вообще надо было его, по мнѣнію автора, ставить). Смѣло можемъ при этомъ утверждать, что такой сравнительный анализъ далъ бы совсѣмъ иной, чѣмъ думаетъ почтенный авторъ, результатъ по вопросу объ отношеніи свода и интерціаціи («Dritthandverfahren») въ указанныхъ памятникахъ. Чтобы доказать это наше положеніе, обратимся къ «Русской и Салической Правдамъ». Мы не можемъ, конечно, производить здѣсь вышеуказаннаго сравнительнаго анализа сколько-нибудь подробно, частью потому, что это слишкомъ далеко завлекло бы насъ и слишкомъ затянуло бы нашъ разборъ, а частью потому, что такой анализъ уже былъ, въ извѣстномъ объемѣ, сдѣланъ нами печатно [1]). Чтобъ не повторяться, мы лишь кратко отмѣтимъ его результаты, сдѣлавъ къ нему только тѣ добавленія, какія вызваны новою постановкою вопроса о сводѣ «Русской Правды» у автора, а

изъ приведенной выше цитаты) ссылается на обѣ «франкскія Правды» («Салическую» и «Рипуарскую»), а затѣмъ лишь на одну «Салическую», хотя обѣ «Правды» близки другъ къ другу. (См. объ этомъ въ нашей рецензіи на I—III томы изслѣдованій проф. Гётца о «Русской Правдѣ», помѣщенной въ «Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft», т. XXXI, 1913 г., стран. 460 и сл.). Въ виду этого и мы въ дальнѣйшемъ будемъ преимущественно говорить лишь о «Русской и Салической Правдахъ» по отношенію къ данному вопросу. — Замѣтимъ также кстати, что наша статья «Русская Правда въ изслѣдованіяхъ нѣмецкаго ученаго», — частью воспроизводя нѣмецкій текстъ нашей рецензіи, — значительно затѣмъ дополняетъ ее (по вопросу объ учено-литературной дѣятельности проф. Гётца, по вопросу о заимствованіяхъ, по обзору содержанія IV тома его изслѣдованій и др.).

[1]) «Начальныя стадіи процесса виндикаціи движимостей по leges barbarorum (Vestigii minatio и Anefang)». — Сборникъ статей по исторіи права, посвященный М. Ф. Владимірскому-Буданову. Кіевъ, 1904 г., стран. 1—26; ср. также вышеуказанный разборъ въ «Zeitschrift für vergl. Rechtswissenschaft», стран. 460 сл.

именно—указаніемъ на его производный и заимствованный характеръ. Такъ, во-1-хъ, на нашъ взглядъ, процессъ свода, по нашей «Правдѣ», первобытнѣе, а, слѣдовательно, и древнѣе, архаичнѣе того процесса интерціаціи (intertiatio), какой мы находимъ во «франкскихъ Правдахъ». Примитивность формъ свода (какъ и всего теченія нашего виндикаціоннаго иска) вполнѣ гармонируетъ вообще съ «простымъ старорусскимъ процессомъ» нашей «Правды», который самимъ проф. Гётцемъ не разъ противополагается, — совершенно притомъ основательно, — «гораздо болѣе развитому германскому процессу» (см., напр., I т., стран. 260), въ силу чего, поэтому, §§ 18 и 21 древнѣйшей редакціи «Правды», говорящіе о сводѣ, вовсе и не являются какою-то чужеродною «добавкою», какъ думаетъ авторъ, къ указанной редакціи, а наоборотъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ ея общему характеру. Затѣмъ, если quasi-заимствованный юридическій институтъ архаичнѣе, по формѣ и содержанію, своего прототипа, если этотъ предполагаемый прототипъ (въ данномъ случаѣ — Lex Salica) уже давно изжилъ тотъ юридическій строй, который, во всей своей простотѣ и наивности, воспроизведенъ «Русскою Правдою», — между прочимъ, въ институтѣ свода, — то можно ли вообще говорить не только о его «германскомъ происхожденіи», но даже о простомъ вліяніи на него «Салической Правды»? Достаточно, кажется, простого сопоставленія указанныхъ выше мѣстъ сравниваемыхъ памятниковъ, чтобъ отвѣтить на вопросъ отрицательно. Въ самомъ дѣлѣ, о чемъ говорятъ статьи (или §§, по терминологіи проф. Гётца) 18 и 21 древнѣйшей редакціи? Какъ видно изъ ихъ текста [1]), мы изъ нихъ узнаемъ что, въ извѣстныхъ случаяхъ, собственникъ, «познавшій» свою вещь въ рукахъ другого, не могъ ее взять немедленно» [2]), сказавъ «мое» (формулу, извѣстную законамъ Ману — mamedam — «се мое», или mamaŷam—«это мой», которую произносилъ собственникъ пропавшей вещи), но долженъ былъ сказать ея владѣльцу въ данное время «пойди на сводъ, гдѣ еси взялъ», т.-е. сведи съ себя подозрѣніе въ незаконномъ присвоеніи вещи на того, у кого ты правомѣрно эту вещь взялъ (какъ толкуемъ мы эти слова) [3]). По 21 статьѣ, ambulatio (говоря языкомъ «Рипуарской Правды»)

[1]) Статья (§ 18): «аще познаеть кто, не емлеть его, то не рци ему: «мое», но рци ему тако: «пойди на сводъ, гдѣ еси взялъ». Или не пойдеть, то поручника за 5 дній»; ст. (§) 21: «аще кто челядинъ поняти (пояти) хочеть, познавъ свой, то къ оному вести и, у кого то будеть купилъ, а то ся ведеть къ другому, даже доидеть до третьяго. То рци третьему: «въдай ты мнѣ свой челядинъ, а ты своего скота ищи при видоцѣ».

[2]) Такое взятіе, однако, необходимо предположить по стт. 15 и 17 той же редакціи, при наличности извѣстныхъ условій.

[3]) Болѣе подробно объ этомъ см. въ моей статьѣ «Начальныя стадіи» и пр., стран. 4 и сл.

собственника не владѣющаго вещью, съ ея владѣльцемъ въ данное время, идетъ лишь до третьяго свода, если предметомъ иска является рабъ; въ послѣднемъ случаѣ третій владѣлецъ опознанной собственникомъ вещи (раба) долженъ дать истцу своего раба, а самъ отыскиваетъ свои деньги при свидѣтелѣ совершающейся процедуры. Если владѣлецъ вещи, по требованію ея собственника, не идетъ почему-либо на сводъ немедленно, онъ долженъ представить поручителя, что исполнитъ свою обязанность свода черезъ пять дней. Вотъ чрезвычайно простой, внѣ-судебный, способъ хожденія, — отъ одного владѣльца вещи къ другому, — собственника пропавшей вещи, для отысканія, въ концѣ концовъ, неправомѣрнаго первоначальнаго ея обладателя, успѣвшаго ее передать другому, тотъ — третьему и т. д. Какъ, однако, непохожа эта процедура свода на то, о чемъ говорятъ «франкскія Правды» вообще и, въ частности тотъ XXXVII § «Салической Правды», который, по мнѣнію проф. Гётца, служитъ доказательствомъ германскаго происхожденія» нашего свода. По Рипуарской, напр., «Правдѣ» (§ LVIII, 8), послѣдовательный рядъ владѣльцевъ вещи, такъ называемые auctor'ы, вызываются собственникомъ пропавшей вещи, въ извѣстномъ установленномъ порядкѣ, въ судъ и здѣсь символически продѣлывается процедура перехода вещи отъ одного владѣльца къ другому — de manu in manu, но собственникъ вещи вовсе не ходитъ самъ, какъ это требуется по «Русской Правдѣ» отъ одного владѣльца къ другому. Символическая же ambulatio rei de manu in manu, продѣлываемая въ судѣ и притомъ въ обратномъ порядкѣ, представляетъ (какъ намъ кажется) собою прямое указаніе на угасшій процессъ отыскиванія пропавшей вещи тѣмъ способомъ, — какой изображенъ въ нашей «Правдѣ» и какой давно уже исчезъ изъ «франкскихъ Правдъ», ибо символъ нерѣдко въ исторіи права есть показатель чего-то когда-то дѣйствительно бывшаго (въ данномъ случаѣ хожденія истца отъ одного владѣльца къ другому), а затѣмъ, въ качествѣ переживанія, оставшагося въ видѣ формы безъ прежняго содержанія. Что касается XXXVII титула «Салической Правды», то уже сама сложность его содержанія говоритъ ясно противъ предположенія, что онъ явился прототипомъ нашей древнѣйшей редакціи, по отношенію къ своду. Толкованіе этого титула, какъ извѣстно, весьма различно у германистовъ—главнымъ образомъ, въ виду неяснаго весьма значенія глагола agramire, а частію и выраженія solem collocare[1]). Безспорнымъ, во всякомъ

[1]) О толкованіяхъ этого титула см. H. Geffcken'a Lex Salica, Leipzig, 1898 г., стран. 153 сл.; въ нашей литературѣ — мою статью —

случаѣ, является то, что титулъ этотъ говоритъ во-1-хъ, объ отысканіи вещи по слѣду (de vestigio minando); во-2-хъ онъ ставитъ направленіе процесса виндикаціи въ зависимость отъ того времени, когда будетъ найдена, по слѣду, пропавшая вещь, а именно, случится ли это ut (usque) in tres noctes, или tribus noctibus exactibus, т.-е. до или по истеченіи трехъ ночей (древніе германцы вели счетъ по ночамъ — «nec dierum numerum, ut nos», говоритъ Тацитъ, sed noctibus computant»); въ-3-хъ, и это самое важное—разбираемый титулъ предполагаетъ судебную процедуру при виндикаціи (чего нѣтъ въ разбираемыхъ авторомъ 18 и 21 §§ древнѣйшей «Правды»): такъ «во всякомъ случаѣ толкуютъ германисты выраженіе «solem secundum legem collocare». У Зома, которому принадлежитъ обширное и весьма картинное изображеніе сложнаго виндикаціоннаго процесса по leges barbarorum (какъ въ его внѣ-судебной, такъ и судебной стадіи), мы читаемъ, напр., что владѣлецъ вещи, опознанной у него собственникомъ, имѣетъ для представленія въ судъ своего auctor'a, т.-е. своего предшественника по владѣнію спорной вещью — къ услугамъ mannitio, т.-е., формальное, обращенное къ нему, требованіе явиться въ судъ и представить поручительство: «ille, qui, non venerit — ille erit latro illius qui agnoscit», по «Салической Правдѣ». (Process, стран. 108). Этого, однако, не знаютъ указанныя статьи древнѣйшей редакціи. Здѣсь вся процедура свода ведется внѣ-судебнымъ порядкомъ, она настолько проста, что невольно возникаетъ вопросъ, неужели русскіе славяне должны были ждать, въ лицѣ Lex Salica, чужеземнаго образца, чтобъ додуматься до такой естественной мысли, что

«Начальныя стадіи» и пр., стран. 3 и сл.; «Сборникъ законодательныхъ памятниковъ древняго зап.-европ. права», в. I (Кіевъ, 1906 г.) Lex Salica, стран. 187—190; «Салическая Правда» въ переводѣ Н. П. Граціанскаго и А. Г. Муравьева (Казань, 1913 г.), стран. 27 и сл. Самъ титулъ гласитъ слѣдующее (беремъ его по изданію указаннаго Сборника, стран. 49): «Si quis bovem aut caballo vel qualibet animal per furtum perdiderit et eum dum per vestigio sequitur consequutus invenerit ut in tres noctes, ille qui eum ducit emisse aut campiasse dixerit vel proclamaverit, ille qui vestigio sequitur res suas per tertia manu agramire debet. Si vero jam tribus noctibus exactibus qui res suas requiret eas pervenerunt, ille apud quem inveniuntur eas amisse aut cambiasse dixerit, ipse liceat agramire. Si ille vero quod per vestigio sequitur quod si agnoscere dicit illi alii proclamantem nec offerre per tertia manum voluerit nec solem secundum legem colocaverit et tulisse convincitur, MCC dinarios qui faciunt solidos XXX culpabilis judicetur». — Agramire переводятъ словами geloben, festhalten, fest machen, an sich ziehen, affirmer avec serment, jurer (откуда agramire per tertiam manum—jurer avec deux conjurateus, jurer soitiers), торжественно обѣщать, доказать свое право (откуда agramire per tertiam manum будетъ означать — доказать свое право на вещь посредствомъ «третьей руки», т.-е. посредствомъ интерціаціи); solem collocare значитъ — ждать до захода солнца суда, назначить день суда; offerre — agramire.

владѣлецъ пропавшей вещи долженъ свести съ себя подозрѣніе въ неправомѣрномъ завладѣніи ею, для чего долженъ былъ, въ свою очередь, отыскать своего предшественника по ея владѣнію?

Сложность содержанія, какъ § XXXVII «Салической Правды», такъ и близкаго къ ней весьма XXXVIII § «Рипуарской», невольно должна была бы, на нашъ взглядъ, обратить вниманіе автора на цѣлый рядъ другихъ статей «Русской Правды», касающихся (подобно указаннымъ §§ «франкскихъ Правдъ»), какъ свода, такъ и другихъ моментовъ виндикаціоннаго процесса, такъ какъ только изъ сопоставленія ихъ всѣхъ вмѣстѣ вполнѣ рельефно выясняется теченіе процесса какъ по нашей «Правдѣ», такъ и по leges barbarorum. Мы пытались печатно изобразить двѣ первоначальныя стадіи этого процесса тамъ и здѣсь; авторъ справедливо отмѣчаетъ по этому поводу, что мы, оттѣняя въ рядѣ пунктовъ соотвѣтствіе основныхъ положеній процесса у насъ и у германцевъ не идентифицируемъ вполнѣ, какъ онъ говоритъ, этого процесса [1]). Намъ кажется, что то же слѣдуетъ утверждать и по отношенію къ другимъ стадіямъ процесса виндикаціи движимостей, и прежде всего по отношенію къ своду. О немъ, вѣдь, говорятъ не только 18 и 21 статьи I редакціи, но и статьи 41, 44, 47, 48 III редакціи. Ужъ если сравнивать институтъ одного юридическаго памятника съ таковымъ же другого, то, естественно, брать его полностью. Затѣмъ, сводъ только одинъ изъ моментовъ виндикаціоннаго процесса. Нельзя думать, что при его заимствованіи (если утверждать таковое) былъ выхваченъ изъ образцоваго процесса одинъ только этотъ моментъ и оставлены безъ вниманія всѣ другіе. А это, естественно, должно привести къ фактическому обзору всѣхъ этихъ моментовъ даннаго института по тому и другому памятнику. Обнаруживаемыя при этомъ сходства и различія воочію должны показать не только общую природу института тамъ и здѣсь, но и обнаружить, который изъ нихъ является первообразнымъ, примитивнымъ въ своей структурѣ, который болѣе сложнымъ, производнымъ и т. д. Не входя въ подробности, укажемъ, что и у насъ также можно найти зависимость между срокомъ нахожденія пропавшей вещи до или послѣ истеченія трехъ дней (какъ въ германскомъ правѣ — трехъ ночей), но для этого надо привлечь къ сравненію стт. 15 и 17 I редакціи. И у насъ есть статья, говорящая о томъ же моментѣ процесса — гоненіи по слѣду, о которомъ говоритъ XXXVII § «Салической Правды»; естественно, и эту статью, а именно 102 ст. III редакціи, необходимо имѣть въ виду, чтобы судить

---

[1]) Das Russische Recht, т. III, стран. 145, примѣчаніе.

о значеніи этого момента въ движеніи виндикаціоннаго процесса. Для цѣлей сравненія, особенно когда ставится еще вопросъ о заимствованіи, весьма важно отмѣтить, что виндикаціонный процессъ у насъ открывается такимъ интереснымъ моментомъ, какъ заповѣдь или закличь на торгу (стт. 38 и 40 III ред., ср. ст. 15 и 17 I ред.), который отсутствуетъ во «франкскихъ Правдахъ». Можно, наконецъ, сомнѣваться, найдутся ли у насъ всѣ тѣ черты виндикаціоннаго процесса, какія имѣются вообще въ leges barbarorum и которыя подробно изображены германистами[1]). Но разъ ставится вопросъ о заимствованіи, безусловно, повторяемъ, необходимо изслѣдованіе всѣхъ чертъ сходства и различія сравниваемыхъ институтовъ. Авторъ этого не сдѣлалъ, частью потому, что не могъ этого сдѣлать (въ силу особой задачи, какую онъ себѣ самъ поставилъ при изслѣдованіи нашего памятника), а частью потому, что онъ вообще не находилъ возможнымъ пользоваться матеріаломъ всѣхъ трехъ редакцій «Русской Правды», считая каждую изъ нихъ особымъ памятникомъ, что, конечно, не соотвѣтствуетъ истинѣ. Благодаря его методу, во всякомъ случаѣ, его мысль о заимствованіи свода является не доказанной.

Нельзя, наконецъ, не отмѣтить, что противъ идеи заимствованія «свода» «Русскою Правдою» говоритъ извѣстность этого момента виндикаціи движимости памятникамъ другихъ славянъ, а не только русскихъ и чеховъ, какъ это уже указывалось выше. Такъ, сводъ знаетъ «Законникъ» царя Стефана Сербскаго, старое польское право, родственное славянамъ литовско-русское право и др. Именно, въ указанномъ «Законникѣ» читаемъ: «аще кто ухвати гушено (захваченное) или крадено лицемь или силомь узето: въсаки о томь да да сводь. Аще кто буде купить где либо, или у земли царства-ми, или у инои земли царства-ми, въ ину (землю) да да о томь сводь. Аще не да свода (т.-е. не пойдетъ на сводъ), да плакя (платитъ) по закону[2])». Въ древнѣйшемъ памятникѣ польскаго права (отъ XIII вѣка), написанномъ по-нѣмецки, мы тоже находимъ институтъ свода, хотя и въ измѣненномъ, сравнительно съ «Русскою Правдою», видѣ, приближающемъ всю процедуру болѣе къ германскому, чѣмъ къ нашему, праву. Если собственникъ находилъ свою вещь у другого, то послѣдній — въ случаѣ утвержденія, что онъ эту вещь купилъ, — долженъ былъ привести въ теченіе 14 ночей

---

[1]) См. R. Sohm, ibid., стран. 55—97; ср. Brunner, Deutsche Rechtsgeschichte, т. II (Leipzig),; стран. 495 и сл.; срав. нашъ разборъ въ «Zeitschrift für vergl. Rechtswissenschaft», т. XXXI, стран. 460 и сл.

[2]) Цитируемъ по «Svod'y zákonúv slovanských», изданныхъ г. Ирѣчкомъ (v Praze, 1880 г.), стран. 305, § 182 срав. Ѳ. Ѳ. Зигеля «Законникъ Стефана Душана» (С.-Пб. 1872 г.), стран. 105.

то лицо, на которое онъ ссылался, какъ на своего сводчика (auctor'a), иначе платилъ пеню, при чемъ процессъ начинается[1]) и ведется передъ судьею. Въ «Литовскомъ Статутѣ» 1588 г. также говорится о сводѣ[2]). Кажется, указанныхъ примѣровъ достаточно, чтобъ утверждать, что въ сводѣ мы имѣемъ институтъ общій славянамъ. Чтобы доказать противное, въ той концепціи, какую даетъ проф. Гётцъ, надо доказать, что всѣмъ славянскимъ племенамъ, нами указаннымъ, была извѣстна «Салическая Правда», что она, такъ сказать, гналась за всѣми ихъ памятниками права по пятамъ, предлагая имъ свою intertiatio. Мало этого. Сводъ, несомнѣнно, обще-арійскій институтъ, какъ это доказывается почтеннымъ ученымъ нашимъ проф. Б. Н. Фрезе въ его чрезвычайно интересной статьѣ, извѣстной германистамъ, конечно, такъ какъ она написана по-нѣмецки, а именно въ его «Papyrologische Studie», гдѣ онъ справедливо замѣчаетъ, что «идея отвѣтственности продавца широко распространена» и напоминаетъ при этомъ лишь о греческомъ институтѣ *βεβαίωσις*, римскомъ auctoritas, германскомъ «Gewährpflicht и русскомъ сводѣ», имѣющихъ такъ много сходственныхъ чертъ между собою[3]). Мы бы пошли еще дальше и указали

---

[1]) Приведемъ въ доказательство начало 9-й главы памятника, говорящей объ этомъ: Wen eyn pferd adir andirs icht dinges einem manne ge aneu anget wird (отъ глагола anfangen, въ его первоначальномъ значеніи anfassen, capere, трогать, хвататься, откуда Anefang, или Anevang, какъ вторая первоначальная стадія виндикаціи движимостей по leges barb.), unde jenir, der is aneuangit, claget das is vorstolin zy, so gebutit im der richter zcu entwortne. Zo spricht her, das her is gekouft habe, so gebutet im der richter, das her den gesecze obir 14 nacht wedir, den her daz gekouft habe, so mus her borgen seczin, daz her wedir kome vor unde synen geveren bringe»... («Das älteste geschribene polnische Rechtsdenkmal», herausgegeben von Dr. Edwin Volckmann, Elbing, 1869, cap. 9; ср. cap. 4). Подробное изображеніе процесса свода по этому памятнику см. у М. Винавера Изслѣдованіе памятника польскаго обычнаго права XIII вѣка (Варшава, 1888 г.), стран. 144 и сл.

[2]) «Статутъ великаго княжьства Литовскаго 1588 г.», изд. Имп. Московскаго Общества Исторіи и Древн. Росс., М., 1854 г., раздѣлъ XIV, артикулъ 4. Ср. І. А. Малиновскаго, Ученіе о преступленіи по Литовскому Статуту (Кіевъ, 1894 г.), стран. 151 и сл. Другіе примѣры свода по памятникамъ см. въ статьѣ В. И. Курдиновскаго, Что такое сводъ нашего древняго права («Юрид. Извѣстія», Юрьевъ, 1913 г., № 8, стран. 210 и сл.).

[3]) «Der gräko-ägyptische Kaufvertrag setzt sich in Regel aus drei Elementen zusammen: der Verkaufserklärung, der Bestätigung über den Empfang des Kaufpreises und der Uebernahme der Gewährschaft (*βεβαίωσις*) seitens des Verkäufers. In einem gegen den Käufer erhobenen Eviktionsprocess hatte der Verkäufer die Defensionspflicht, und zwar, wie es scheint in der Weise, dass er in die Parteirolle des Käufers vollständig eintrat». Въ примѣчаніи къ этому авторъ говоритъ еще слѣдующее: «Die Idee der Defensionspflicht des Verkaufers ist eine weit verbreitete. Ich erinnere nur an die griechische *βεβαίωσις*, die römische auctoritas, die germanische Gewährpflicht und russischen svod» (Dr. Benedict Frese Aus dem gräko-ägyptische Rechtsleben. Eine papyrologische Studie (Halle, 1909, стран. 33 и примѣчаніе 113). Сравн. также изслѣдованіе А. К. Митюкова, Отвѣтственность продавца за эвикцію въ историко-сравнительномъ освѣщеніе (Кіевъ, 1906 г.), стран. 16 и сл.

на «Законы царя Хаммураби», которыя также знаютъ процедуру сведенія съ себя владѣльцемъ вещи подозрѣнія въ кражѣ, при чемъ, однако, эта процедура свода ближе къ «франкскимъ Правдамъ», чѣмъ къ «Русской Правдѣ», такъ какъ она не требуетъ хожденія отвѣтчика, владѣльца вещи въ данное время, съ ея собственникомъ отъ одного сводчика (auctor'a) къ другому, а говоритъ о приводѣ въ судъ продавца и свидѣтелей, какъ со стороны истца, такъ и отвѣтчика; послѣдніе приносятъ присягу въ томъ, что обѣ стороны показали истину, а именно — свидѣтели истца, что вещь дѣйствительно принадлежала истцу, а свидѣтели отвѣтчика, что она была имъ куплена[1]). Эта присяга свидѣтелей по «Рипуарской Правдѣ» замѣняется присягою сторонъ при такъ наз. Anefang'ѣ или missio manus super rem [2]). Такъ, будучи по времени своего появленія сущимъ младенцемъ, сравнительно съ кодексомъ Хаммураби, отставая затѣмъ на нѣсколько вѣковъ отъ «франкскихъ Правдъ», «Русская

---

[1]) Толкованіе текста вавилонскаго кодекса вообще довольно спорно у разныхъ его переводчиковъ; интересующая насъ 9 ст. кодекса близко передана, однако, въ двухъ русскихъ переводахъ (А. Г. Гусакова и И. М. Волкова) и не возбуждаетъ никакого сомнѣнія въ ея юридическомъ смыслѣ. Беремъ первый переводъ, принадлежащій юристу-историку. «Если кто потеряетъ что-нибудь» — гласитъ эта статья, — «потерянное найдетъ въ рукахъ другого, (и) тотъ у котораго найдено потерянное, скажетъ: «продавецъ мнѣ продалъ, я купилъ это при свидѣтеляхъ», (но) также и собственникъ потерянной (вещи) скажетъ: «я приведу свидѣтелей, которые знаютъ мою потерянную вещь»; если затѣмъ покупщикъ приведетъ продавца, который ему продалъ, и свидѣтелей, при которыхъ онъ купилъ, а собственникъ потерянной вещи приведетъ свидѣтелей, которые знаютъ, что потерянная вещь его, пусть судья провѣритъ ихъ слова («судьи должны изслѣдовать ихъ дѣло» —переводитъ И. М. Волковъ): свидѣтели, при которыхъ была уплочена цѣна, и свидѣтели, которые знаютъ потерянную вещь, должны подтвердить клятвою передъ Богомъ то, что они знаютъ, тогда продавецъ считается воромъ, его должно предать смерти. Собственникъ украденной вещи получаетъ то, что у него украдено, покупщикъ получаетъ изъ дома продавца деньги, которыя онъ заплатилъ» (А. Г. Гусаковъ, Законы царя Хаммураби, С.-Пб., 1904 г., оттискъ изъ «Извѣстій С.-Петербургскаго Политехническаго Института», т. I, стран. 9 и сл.); ср. И. М. Волковъ, Законы вавилонскаго царя Хаммураби (Культурно-историческіе памятники древняго Востока, подъ редакціею проф. Б. А. Тураева, выпускъ I, Москва, 1914, стран. 23 и сл.).

[2]) Такъ Lex Ribuaria, § XXXIII, говоритъ слѣдующее: «Si quis rem suam cognoverit, mittat manum super eam. Et si ille, super quem intertiatur, tertiam manum quaerat, tunc in praesente ambo conjurare debent cum dextera armata et cum sinistra ipsam rem teneant. Unus juret, quod in propriam rem manum mittat et alius juret, quod ad eam manum trahat, qui ei ipsam rem debit», т.-е. «если кто познаетъ свою вещь, пусть наложитъ на нее руку» (это и есть такъ наз. Anefang). «И если тотъ, у кого вещь виндицируется, ссылается на третье лицо (tertia manus), тогда оба (истецъ и отвѣтчикъ) должны принести клятву въ присутствіи (trustis, т.-е. толпы сосѣдей, съ помощію которыхъ отыскивается вещь, какъ думаемъ мы, въ присутствіи суда, какъ объясняютъ его другіе), держа въ правой рукѣ оружіе, а лѣвой дотрогиваясь до вещи. Одинъ пусть поклянется, что онъ налагаетъ руку на собственную вещь, а другой, что онъ ссылается на то лицо, которое дало ему эту самую вещь».

Правда» воспроизводитъ, въ структурѣ свода, такую сѣдую пракультуру, которой не знаютъ ни франкскія leges, ни «Законы царя Хаммураби»[1]). Небезынтересно было бы также сопоставить постановленія указанныхъ памятниковъ права съ постановленіями Псковской судной грамоты (46, 47, 56 статьи ея), съ которыми у нихъ найдутся какъ сходства, такъ и различія, но это насъ завлекло бы слишкомъ далеко. Во всякомъ случаѣ, въ виду всѣхъ вышеуказанныхъ обстоятельствъ, говорить о германскомъ происхожденіи нашего свода совершенно невозможно.

Какъ нами уже указывалось, проф. Гётцъ возбуждаетъ какъ во II, такъ и въ III томѣ своихъ изслѣдованій о «Русской Правдѣ» не разъ вопросъ объ отношеніи нашего памятника къ германскимъ leges. Изъ многихъ примѣровъ остановимся на томъ, что говоритъ почтенный ученый о вирѣ. «Что слово вира германскаго происхожденія, это», по его словамъ, «нынѣ вообще признано русскими учеными». Въ доказательство этого, въ видѣ примѣра («beispielsweise») авторъ ссылается на мнѣнія Эверса, М. Ф. Владимірскаго-Буданова, В. И. Сергѣевича, И. И. Срезневскаго, П. Н. Мрочекъ-Дроздовскаго, при чемъ самъ высказываетъ почти полную увѣренность въ томъ, что «слово Wergeld, vira принесено на Русь варягами, вмѣстѣ съ другими германскими элементами», которые авторомъ были найдены въ такъ называемыхъ «добавкахъ» къ древнѣйшей редакціи (т. II, стран. 42 и сл.) и которыя (какъ уже нами подробно доказывалось выше) вовсе нельзя считать какими бы то ни было заимствованіями. Не можемъ мы также согласиться и съ тѣмъ, что слово вира (или вѣра) происходитъ отъ германской «Wergeld» и думаемъ, что этотъ терминъ имѣетъ обще-арійскій корень, какъ это будетъ отмѣчено нами ниже. Что же касается мнѣній русскихъ ученыхъ, указанныхъ авторомъ, о томъ, что наша вира происходитъ отъ германской Wergeld, то надо замѣтить, что мнѣнія ихъ вовсе не такъ категоричны, какъ это представляется почтенному автору. Такъ, Эверсъ говоритъ лишь, что «какое бы производство слова (вира) ни было принято, остается несомнѣннымъ, что его значеніе соотвѣтствуетъ германской Wergeld»[2]), т.-е., другими словами, мы у Эверса не находимъ ничего о производствѣ слова (о «Ableitung des Wortes»). Что же касается его утвержденія, что вира по своему значенію соотвѣтствуетъ германской Wergeld,

---

[1]) Говоря это, мы обращаемъ вниманіе только на структуру свода по нашей Правдѣ и указаннымъ памятникамъ права, не касаясь другихъ сторонъ процесса и его слѣдствій. Такъ, въ кодексѣ Хаммураби обращаетъ на себя вниманіе жестокость кары (смерть), постигающей вора, что не допускается «Русскою Правдой» въ данномъ случаѣ.

[2]) «Das älteste Recht der Russen» (Dorpat, 1826 г.), стран. 310.

то это невѣрно, и самъ проф. Гётцъ доказываетъ, что «Wergeld, vira», при переносѣ своемъ на Русь, измѣнила то свое значеніе, какое она имѣла въ германскомъ правѣ: тамъ она—плата семьѣ убитаго, выкупъ; на Руси — штрафъ, получаемый княземъ. Второе мнѣніе, а именно мнѣніе проф. М. Ф. Владимирскаго-Буданова, на которое ссылается авторъ, гласитъ слѣдующее: «слово «вира», не встрѣчающееся въ другихъ славянскихъ языкахъ, считаютъ заимствованнымъ изъ нѣмецкаго языка (Wehrgeld), но корень его находится во множествѣ языковъ (между прочимъ — въ финскомъ)» [1]). Третій ученый, В. И. Сергѣевичъ, говоритъ: «слово вира, можетъ быть, не славянское, а германское. У нѣмцевъ есть терминъ — werigelt, weregelt, vere, что значитъ цѣна убитаго отъ gelt — деньги и wer — человѣкъ. Князья-варяги могли ввести въ употребленіе привычный имъ терминъ»[2]), т.-е. проф. В. И. Сергѣевичемъ, въ сущности, высказывается лишь одно предположеніе. Еще меньше находимъ у И. И. Срезневскаго» [3]). Но, по мнѣнію автора, особенно рѣзко за германское происхожденіе виры («besonders scharf für die germanischen Ursprung von vira», II т., стран. 43, примѣч. 1) высказывается проф. П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій въ своихъ «приложеніяхъ» къ изслѣдованіямъ о «Русской Правдѣ». У названнаго ученаго мы читаемъ слѣдующее: «извѣстно, что въ древне-германскомъ правѣ плата за убійство носила названіе werigelt, weragelt, или просто vere (were)... По всей вѣроятности, слово werigelt (weragelt) were, проникнувъ изъ Германіи на Скандинавскій Сѣверъ, отсюда — по исторической связи Скандинавіи съ Русью — перешло и къ намъ, при чемъ авторъ, говоря о wergelt, ссылается на Гримма, о мнѣніи коего мы скажемъ ниже. Кажется, и эти слова не могутъ быть толкуемы такъ категорично, какъ толкуетъ ихъ разбираемый авторъ. Впрочемъ, у проф. П. Н. Мрочекъ-Дроздовскаго находимъ одну заключительную фразу къ его I «приложенію» (о мести за убійство въ древней Руси и о платѣ за голову), которая могла дать автору основаніе къ вышеприведенному его отзыву, а именно, разсказавъ о эволюціи значеніи виры у насъ, почтенный русскій изслѣдователь «Правды» нашей дѣлаетъ такой общій выводъ: «итакъ, слова вира, вѣра», говоритъ онъ, «не можетъ быть производимо ни изъ славянскихъ, ни изъ иныхъ языковъ безъ явной натяжки и безъ ущерба исторической истинѣ.

---

[1]) «Обзоръ исторіи русскаго права» (Кіевъ, 1905 г.,), стран. 337.

[2]) «Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права» 3-е изд. (С.-Пб., 1903 г.), стран. 385.

[3]) А именно въ его извѣстныхъ «Матеріалахъ для словаря древне-русскаго языка», т. I (С.-Пб., 1893 г.), подъ словомъ вира=вѣра, послѣ объясненія значенія слова по памятникамъ, приведена, по отношенію къ данному вопросу, всего лишь одна строчка: «ср. нѣм. Wehrgeld» и только.

Это древне-германское werigelt, vere» [1]). Можетъ быть, эти заключительныя слова и дали проф. Гётцу основаніе къ указанной выше характеристикѣ (несмотря на оговорку въ предыдущей цитатѣ «по всей вѣроятности» и т. д.) [2]). Во всякомъ случаѣ, въ общемъ, всѣ приведенныя выше мнѣнія не столь категоричны, чтобъ, на основаніи только ихъ, можно было бы утверждать германское происхожденіе виры. При этомъ нельзя не принять во вниманіе, что мнѣнія эти вовсе не единогласны [3]). Что же касается ихъ филологическаго обоснованія, то оно, въ сущности, покоится на авторитетѣ Якова Гримма. Но что же, однако, говоритъ о вирѣ этотъ знаменитый нѣмецкій языковѣдъ? Онъ не высказываетъ ничего иного, какъ только гипотезу, а именно говоритъ, что можно предполагать относительно werigelt, что она проникла въ Россію изъ Германіи, получивъ тамъ наименованіе виры [4]). Какъ въ виду этой гипотезы, такъ еще болѣе, въ виду соображеній о вирѣ, высказанныхъ извѣстнымъ, уже современнымъ, нѣмецкимъ лингвистомъ Оскаромъ Шрадеромъ, едва ли слѣдуетъ вполнѣ рѣшительно говорить о заимствованіи слова вира «Русскою Правдою». Упомянувъ въ своемъ «Reallexikon», между прочимъ, о томъ, что на словѣ вира лежитъ «подозрѣніе заимствованія изъ Скандинавіи» («Verdacht scandinavischer Entlehung») [5]), названный авторъ въ другомъ своемъ трудѣ («Die Indogermanen») высказываетъ, по интересующему насъ вопросу, слѣдующее: «между всѣми индогерманскими народностями была возможность откупаться отъ угрожающей кровавой мести (von der drohenden Blutrache) черезъ уплату вергельда и тѣмъ

---

[1]) «Изслѣдованія о Русской Правдѣ». Приложенія ко второму выпуску (М., 1886 г.), стран. 15 и сл. и особенно — на стран. 20.

[2]) Говоримъ «можетъ быть», такъ какъ въ общей ссылкѣ проф. Гётца на мнѣнія русскихъ ученыхъ, выше нами приведенныхъ, по отношенію къ мнѣнію проф. П. Н. Мрочекъ-Дроздовскаго указывается не одна 20 страница, гдѣ находятся эти слова, но и стран. 1 и слѣдующія всей главы (т. II, стран. 43, прим. 1).

[3]) Такъ, за славянское происхожденіе виры высказывались Соловьевъ, Леонтовичъ, Ланге, Собѣстьянскій и др. (см. ссылки у П. Н. Мрочекъ-Дроздовскаго, ibid., стран. 24 и у П. М. Собѣстьянскаго Круговая порука у славянъ» и пр. (Харьковъ, 1888 г.), изд. 2, стран. 154. О славянскомъ происхожденіи виры говоритъ также Leopold v. Schroeder въ статьѣ «Indogermanische Wergeld» («Festgruss an Rudolf v. Roth», Stuttgart, 1893 г.), стран. 51. Отрицаетъ нѣмецкое происхожденіе виры и французскій ученый Р. Дарестъ (въ своихъ «Etudes d'histoire du droit»), говоря, что «предположеніе это настолько же ошибочно, насколько безполезно, потому, что русскіе также способны были изобрѣсти виру, какъ германцы Wehrgeld» (см. выше цитированный переводъ Н. Чеботаревскаго, стран. 191).

[4]) «Es (werigelt) konnte dahin aus Deutschland gedrungen, wie vermutlich nach Russland, wo es vira lautet» («Deutsche Rechtsalterthümer», 1 изд., Göttingen, 1882 г., стран. 650; 4 изд., Leipzig, 1899 г., т. II стран. 216.

[5]) «Reallexikon der Indogermanischen Altertumskunde » Von. O. Schrader (Strassburg, 1901 г.), I Halbband, стран. 104.

приводить дѣло къ мирному концу... Что подобный выкупъ мести посредствомъ вергельда былъ уже употребителенъ въ индогерманское пра-время («in der indogermanischen Urzeit»), это доказывается не только тѣмъ, что слова вышеприведеннаго (авторомъ) сравненія греческой *ποινή* староиранс. kaena, подобно гомеровскому и кельт. выраженіямъ (ирл. cain), весьма вѣроятно уже тогда употреблялись въ двоякомъ значеніи — въ смыслѣ кровавой мести и выкупа кровавой мести вергельдомъ, но и тѣмъ, что въ праязыкѣ существовало особое слово для понятія вергельда. Это понятіе сохранилось въ нашемъ Wer(geld)», древне-верхне-нѣмецкомъ «were», въ древ.-индусскомъ vâira», съ которыми можетъ быть связана, вѣроятно, какъ пра-родственное (als urverwandt) также старо-русское вира, вергельдъ. Основной смыслъ всѣхъ ихъ — «цѣна мужа» (Manngeld) — готс. wair, лат. vir — древне-индус. vira, мужъ (Mann). Въ древнѣйшее время должны были существовать твердые нормы и виды вергельда»...[1]). Кажется пра-родственное соотношеніе нашего термина вира съ цѣлымъ рядомъ индо-европейскихъ (или, какъ выражается проф. О. Шрадеръ, по нѣмецкому обычаю, индо-германскихъ) словъ совсѣмъ не то, что «германское происхожденіе» этого слова, утверждаемое проф. Гётцемъ [2]). Да и отчего бы русскимъ славянамъ не сохранить изъ общаго пра-языка слова для выраженія того понятія — выкупа крови — которое вполнѣ соотвѣтствовало ихъ древнѣйшимъ юридическимъ воззрѣніямъ, существовавшимъ среди нихъ задолго до того, какъ они вошли въ какія-либо сношенія съ тѣми или иными германскими племенами? Доказательствъ въ пользу этого имѣется достаточно, какъ и въ пользу того положенія, что вира, какъ замѣна кровавой мести, встрѣчается у самыхъ различныхъ народностей, на извѣстной ступени ихъ развитія[3]).

---

[1]) «Die Indogermanen» von Dr. phil. Oskar Schrader (Leipzig, 1911 г.), стран. 125 и сл. Переводъ этого труда, подъ редакціею и со вступительною статьею проф. А. Л. Погодина, помѣщенъ въ «Библіотекѣ знанія», подъ заглавіемъ «Индо-европейцы» (С.-Пб., 1913 г.); въ него проф. Шрадеромъ внесены нѣкоторыя дополненія къ нѣмецкому подлиннику.

[2]) Утвержденіе проф. Гётца имѣетъ, впрочемъ, также себѣ опору во мнѣніяхъ нѣмецкихъ юристовъ-историковъ. Такъ самъ авторъ, ссылаясь на указанныхъ выше ученыхъ нашихъ, указываетъ также на Рих. Шредера и Бруннера (II, 43 стран. прим.). У послѣдняго (съ ссылкою на Эверса) находимъ, однако, только категорическое утвержденіе, что «вира, древнерусское выраженіе для вергельда — сѣверо-германскаго происхожденія и соотвѣтствуетъ англосаксонскимъ wer, were» («Deutsche Rechtsgeschichte, I томъ, 2 изд., Leipzig, 1906 г., стран. 120, прим. 44; ср. также 1 изд. 1887 г., стран. 86).

[3]) О системѣ выкуповъ по древнѣйшему и частью современному обычному праву см. въ изслѣдованіи М. М. Ковалевскаго, Современный обычай и древній законъ. Обычное право осетинъ въ историко-сравнительномъ освѣщеніи (М., 1886 г.), т. II, стран. 53 и сл. О вирѣ у кавказскихъ народно-

Во II томѣ своихъ изслѣдованій о «Русской Правдѣ», проф. Гётцъ опять ставитъ вопросъ объ отношеніи II редакціи «Правды» къ древнѣйшей (стран. 227—237) и при этомъ снова вспоминаетъ, что въ извѣстныхъ уже намъ «добавкахъ» къ послѣдней надо видѣть переносъ германскихъ нормъ въ древне-русское право («eine Uebertragung germanischer Satzungen in das altrussische Recht», стран. 232). Это даетъ ему поводъ спросить себя, «нѣтъ ли подобнаго внѣдренія чужихъ элементовъ также и во вторую редакцію?» Авторъ отвѣчаетъ: «мнѣ кажется, что нѣтъ» (ib.). Намъ кажется то же самое, и намъ весьма пріятно, что въ сужденіи о II редакціи мы можемъ, въ данномъ отношеніи, выразить наше полное согласіе съ почтеннымъ нѣмецкимъ изслѣдователемъ нашей «Правды». Однако, при сужденіи о III редакціи «Правды» (которой посвященъ самый обширный III томъ изслѣдованій этого памятника, что и понятно, въ виду размѣровъ самой указанной редакціи) авторъ снова подымаетъ вопросъ о «прямомъ переносѣ германскаго образца въ древне-русскій юридическій языкъ» («directe Uebertragung der germanischen Vorlage in die altrussische Rechtssprache»). Поводъ къ этому автору дается въ выраженіи «Русской Правды» данной редакціи (ст. 6, 7 и 11 сл.) — дикая вира («wildes Wergeld», III т., стран. 46 и сл.). Приведя толкованія термина «дикая вира», даваемыя русскими изслѣдователями, проф. Гётцъ говоритъ, что вопросъ о значеніи этого термина можетъ быть разрѣшенъ самымъ простымъ образомъ, если обратить вниманіе, что въ нѣкоторыхъ спискахъ «Русской Правды», вмѣсто словъ дикая вира, мы читаемъ людская вира. Эта и есть та вира (Wergeld), которая выплачивалась за простолюдина, или людина (какъ говорили въ древности, добавимъ мы). Но это именно то самое слово, какое мы находимъ въ англо-саксонскомъ языкѣ въ словѣ leôdgeld, отъ слова leôd, старо-верхне-германскомъ liut, т.-е. populus, въ старо-сѣверномъ mangiald, «die Mannbusse». Такъ, добавляетъ авторъ, «благодаря ошибкѣ переписчика, примѣры коихъ, къ сожалѣнію, часто встрѣчаются въ спискахъ «Русской Правды», произошла странная дикая вира («das sonderbare «wilde» Wergeld») со всѣми предположеніями, отпадающими, какъ излишнія, если возстановить — несомнѣнно вѣрный текстъ — людская вира, Mannbusse, выраженіе, которое пришло на Русь вмѣсто съ словомъ Wergeld, вира». Такъ какъ мы сомнѣваемся, что слово вира—вѣра перешло къ намъ изъ германскаго права, то такое же сомнѣніе, да притомъ еще въ большей степени, относится и къ термину людъ-

---

стей, у киргизовъ, якутовъ, у гиляковъ и др. см. Этнографію Н. Н. Харузина (С.-Пб., 1903 г.), вып. II (изданіе посмертное, подъ редакціею В. Н. Харузиной, стран. 227 и сл.).

ская вира, въ виду того обстоятельства, что прилагательное людской, людская происходитъ отъ чисто-славянскаго слова людъ, которое находитъ себѣ аналогію въ индо-европейскихъ языкахъ («Die Indogermanen» — О. Шрадера, стран. 113) [1]). Кромѣ того, мы не видимъ никакой ошибки въ замѣнѣ одного прилагательнаго другимъ, такъ какъ дикій не означаетъ ничего иного, какъ общій, относящійся ко всѣмъ людямъ (въ данномъ случаѣ — живущимъ въ одной верви). Дикая вира, какъ общинная (или общая), вира есть также людская вира, которая уплачивается всѣми свободными людьми (людіями) данной общины. Поэтому вполнѣ правъ проф. П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій, когда онъ говоритъ (въ согласіи съ рядомъ ученыхъ), что «при невыдачѣ преступника общиною (вервью) платилась князю общинная, общая вира, называвшаяся дикою» и что изъ всѣхъ толкованій термина «дикая вира» — «вѣрнѣйшее именно это». «Дикій» или «общій», невыдѣлившійся изъ другихъ, и есть «людской», т.-е. опять-таки общій, общественный. (Послѣднее видно изъ древнихъ выраженій: «людскія судища», publica, «людской путь», via publica» и т. п. [2]). Переписчикъ только замѣнилъ одинъ терминъ другимъ, болѣе понятнымъ. Надо принести проф. Гётцу большую благодарность за сближеніе нашего термина «людская вира» [3]) съ терминами иноземными — leôdgeld, mangiald, Mannbusse (II т., стран. 48), но сближеніе терминовъ, по ихъ смыслу, еще не рѣшаетъ вопроса о ихъ заимствованіи, или о «прямомъ переносѣ» ихъ, какъ говоритъ авторъ; заимствованіе должно, вѣдь, быть чѣмъ-либо доказано, а доказательствъ нѣтъ у автора.

Если у насъ есть сомнѣніе въ прямомъ переносѣ въ нашъ древній юридическій языкъ чужихъ терминовъ, то еще больше сомнѣній возникаетъ, когда идетъ дѣло о переносѣ институтовъ права, какъ мы уже это говорили по отношенію къ своду. Но въ III томѣ изслѣдованій почтеннаго автора мы читаемъ, что «расширеніе отвѣтственности общины» («Eweiterung der Haftung der Gemeinde», которое онъ находитъ въ III редакціи «Русской Правды») можетъ имѣть свое основаніе въ болѣе сильномъ внѣдреніи

---

[1]) См. также подъ словомъ l'udъ параллели между нашимъ словомъ людъ и соотвѣтствующими словами другихъ языковъ у E. Berneker'a Slavisches etymologisches Wörterbuch» I Band (Heidelberg, 1908—1913 гг.), стран. 758, при чемъ заимствованіе слова людъ изъ германскаго отрицается авторомъ («Entlehnung von l'udъ aus dem Germanischen anzunehmen verbietet baltisch. l'audis»).

[2]) Изслѣдованія о «Русской Правдѣ», выпускъ II (М., 1885 г.), стран. 136 и сл.

[3]) См. подъ людьскыи «Матеріалы для словаря древне-русскаго языка» и пр. И. И. Срезневскаго, томъ II (С.-Пб., 1902 г.).

германскихъ право-воззрѣній» въ указываемыя авторомъ нормы нашего памятника. По нашему крайнему убѣжденію, «отвѣтственность общины», т.-е. говоря иначе, круговая порука членовъ данной верви, принадлежитъ къ такого рода юридическимъ институтамъ, которые, на извѣстныхъ ступеняхъ развитія человѣчества, встрѣчаются едва ли не у всѣхъ народовъ, а потому вовсе не нуждаются въ какихъ-либо специфическихъ «германскихъ право-воззрѣніяхъ» («germanische Rechtsanschaungen»). Расширеніе или ограниченіе круговой поруки, — разъ она въ данное время существуетъ, — можетъ совершаться лишь за счетъ тѣхъ мѣстныхъ условій, которыя ей помогаютъ или мѣшаютъ въ развитіи. Конечно, при свѣтѣ сравнительной исторіи права, мы не будемъ нынѣ утверждать (какъ это утверждалось иногда раньше), что «круговая порука» («Gesammtbürgschaft», «Haftung der Gemeinde» и т. д.) есть чисто-сла, вянскій институтъ, такъ какъ мы его находимъ у многихъ народовъно, съ другой стороны, мы не можемъ не повторить здѣсь словъ ученаго, спеціально изслѣдовавшаго вопросъ объ указанномъ институтѣ, какъ въ первобытныхъ обществахъ вообще, такъ и у древнихъ славянъ въ частности, а именно слова И. М. Собѣстіанскаго — «институты круговой поруки, кровавой мести, покоры, побратимства, ротниковъ, соковъ, свода и т. д. (системы композицій, иммунитета, института рабства, вѣчевыхъ собраній и пр., и пр. — добавимъ мы) проявляютъ сходства даже въ мельчайшихъ подробностяхъ, однако, нечего и говорить, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о заимствованіи»[1]). Другой изслѣдователь, Н. П. Павловъ-Сильванскій, наиболѣе въ послѣднее время останавливавшійся у насъ на сравненіи древне-русскаго нашего права съ германскимъ, говоря объ «общинной отвѣтственности за преступленіе», замѣчаетъ слѣдующее: «подобно тому какъ въ отношеніи дани община связана была круговой порукою въ уплатѣ податей, такъ точно и въ отношеніи суда на общинѣ лежала круговая отвѣтственность за нѣкоторыя преступленія, совершавшіяся въ предѣлахъ общинной территоріи... Такую же точно отвѣтственность общины за убійство, совершенное въ предѣлахъ ея территоріи, находимъ мы и на Западѣ, но только въ древнѣйшую эпоху «Германскихъ Правдъ»[2]). Наличность одного и того же института въ памятникахъ тѣхъ или иныхъ народовъ говоритъ только за одинаковыя условія ихъ жизни, а равно за общія ея пра-основы въ древнѣйшія эпохи, но вовсе не за «внѣдреніе» иноземныхъ право-воззрѣній,

---

[1]) «Круговая порука у славянъ по древнимъ памятникамъ ихъ законодательства» (Харьковъ, 1888 г., изд. 2), стран. 72.

[2]) «Феодализмъ въ удѣльной Руси» (С.-Пб., 1910 г.), стран. 57 и сл.

если, конечно, на доказательство такого внѣдренія нѣтъ особыхъ и достовѣрныхъ данныхъ.

Таковы наши замѣчанія какъ по поводу перевода «Русской Правды», такъ и сравнительныхъ изысканій о ней почтеннаго автора, изложенныхъ въ I—III томахъ. Дѣлая ихъ, мы вовсе не имѣли намѣренія поколебать общаго значенія его крупнаго научнаго труда, а лишь хотѣли высказать — по принципу audiatur et altera pars — взглядъ русскаго ученаго на близкій и, естественно, дорогой ему памятникъ права, съ такимъ знаніемъ и исключительнымъ вниманіемъ изслѣдованный иностраннымъ ученымъ. Замѣтимъ еще при этомъ, что вопросъ о заимствованіяхъ, ставившійся не разъ почтеннымъ авторомъ въ I—III томахъ его труда, вновь возбуждается имъ и въ послѣднемъ IV томѣ, вышедшемъ лѣтомъ прошлаго года. Здѣсь онъ ставится, однако, нѣсколько иначе. Такъ, говоря объ отношеніи германо-скандинавскаго права къ нашей «Правдѣ» и утверждая вполнѣ справедливо, что нельзя отрицать ихъ «извѣстнаго сродства» (eine gewisse Verwandtschaft), авторъ высказываетъ положеніе, что «der Gedanke an direkte Entnahme dieser Dinge (какъ видно изъ текста — виры—Wergeld'a, людской виры—Mannbusse, дружины — Freundschaft) aus dem germanischen Rechte ist also nicht von der Hand zu weisen» (т. IV, стран. 80). Но, если бы этотъ аффоризмъ былъ высказанъ разбираемымъ авторомъ ранѣе, въ одномъ изъ предыдущихъ томовъ, то между нами не было бы значительнаго числа тѣхъ разногласій, на которыя указывалось выше. Конечно, извѣстное сродство «Русской Правды» съ германо-скандинавскимъ правомъ, или ихъ явный параллелизмъ (какъ это авторъ утверждаетъ по вопросу о символизмѣ, ib., 81 стран.) есть нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ прямое заимствованіе, или переносъ, въ «Русскую Правду» чужихъ юридическихъ терминовъ, а тѣмъ болѣе — правовыхъ институтовъ, какъ сводъ и пр.[1]). Здѣсь споръ переходитъ совсѣмъ въ иную плоскость, такъ какъ приходится говорить уже о томъ, поскольку родство двухъ великихъ народностей, — въ силу различія ихъ дальнѣйшихъ историческихъ судебъ, — сохранилось или утратило свое былое первоначальное значеніе; но на этотъ вопросъ отвѣчать пока не приходится...

---

[1]) Въ частности почтенный авторъ, — съ замѣчательнымъ научнымъ безпристрастіемъ, касаясь новыхъ данныхъ, на которыхъ онъ ранѣе не останавливался, — видоизмѣняетъ въ IV томѣ свой взглядъ и на сводъ, а именно говоритъ уже только о согласіи (Uebereinstimmung) «Русской Правды» съ германскимъ правомъ и притомъ спеціально — съ саксонско-лонгобардскимъ (ibid, 81; срав. III т., стран. 145, прим.).

Нашъ обзоръ изслѣдованій проф. Гётца о «Русской Правдѣ» былъ бы не полонъ, если бы мы не коснулись — хотя бы кратко — содержанія только-что упомянутаго IV тома. Томъ этотъ распадается на двѣ части. Въ первой авторъ трактуетъ о III редакціи «Русской Правды» (какъ извѣстно, наиболѣе обширной и содержательной), какъ о литературномъ памятникѣ, во второй — говоритъ о ней, какъ о памятникѣ права. Тамъ и здѣсь авторъ поднимаетъ цѣлый рядъ важныхъ вопросовъ, съ которыми не разъ приходилось имѣть дѣло русской историко-юридической наукѣ и которые въ концепціи, даваемой имъ иностраннымъ ученымъ, получаютъ извѣстный новый колоритъ, съ которымъ придется такъ или иначе считаться нашей ученой критикѣ. Такъ, авторъ въ первой части разбираетъ вопросъ о спискахъ III редакціи «Русской Правды», ея первоначальномъ текстѣ и о дальнѣйшемъ его развитіи (§§ 1 и 2), о заимствованіи и расширеніи I и II редакціи «Правды», о новомъ матеріалѣ, о составѣ III редакціи (§§ 3—5), о единствѣ ея автора или редактора (§ 6), о ея русскихъ и не-русскихъ источникахъ и нормахъ, а равно и объ иноземномъ на нее вліяніи (§§ 7 и 8), о ея возрастѣ и родинѣ (§ 9), объ области и времени ея дѣйствія (§ 10). Вторая часть, начинающаяся общими замѣчаніями о матеріальномъ правѣ III редакціи памятника (§ 11), содержитъ затѣмъ подробное и систематизированное изложеніе институтовъ права уголовнаго (§§ 12—14), гражданскаго (§§ 15—19) и процесса, какъ по отношенію къ судоустройству (§§ 20 и 21), такъ и судопроизводству (§§ 22—25). Изложеніе заканчивается (по принятому авторомъ для всѣхъ томовъ плану) реестрами разсмотрѣнныхъ имъ статей, какъ «Русской Правды», такъ и другихъ памятниковъ права, русскихъ и иноземныхъ, а также указателями, личнымъ (авторовъ) и предметнымъ. Нечего говорить, какъ всѣ эти реестры и указатели важны для всякаго рода справокъ, относящихся къ «Русской Правдѣ», особенно въ виду того обстоятельства, что авторъ вездѣ вполнѣ точенъ въ своихъ ссылкахъ какъ на первоисточники, такъ и на литературу возбужденныхъ имъ вопросовъ, а главное — приводитъ ихъ вездѣ почти въ такомъ изобиліи, что его громадный четырехтомный трудъ о «Русской Правдѣ» (вмѣстѣ съ «Программою», содержащею переводъ ея, съ примѣчаніями) долженъ явиться настольною книгою для всѣхъ, кто хотѣлъ бы ознакомиться, какъ съ литературнымъ матеріаломъ, такъ и съ сравнительными данными, имѣющими то или иное отношеніе къ нашему памятнику. Авторъ собралъ весь этотъ матеріалъ и всѣ эти данныя вмѣстѣ и тѣмъ значительно облегчилъ возможность ихъ послѣдующаго изученія. Пусть многіе выводы автора подлежатъ оспариванію, пусть его

толкованія отдѣльныхъ статей «Русской Правды» не будутъ цѣликомъ приняты нашею ученою критикой, его трудъ о ней, подъятый съ такими знаніями и съ такою любовью къ изучаемому памятнику, останется навсегда живымъ свидѣтелемъ большого научнаго одушевленія автора, его завидной энергіи... Мы увѣрены вполнѣ, что трудъ этотъ не будетъ послѣднимъ и его новое многообѣщающее, — по темѣ и по прошлой ученой дѣятельности автора — сочиненіе «Христіанство и культура въ Кіевской Руси» найдетъ свое скорое и блестящее окончаніе.

Александръ Филипповъ.

толкованія отдѣльныхъ статей «Русской Правды» не будутъ цѣликомъ приняты н о ней, подъятый съ такими знан чаемому памятнику, останется ольшого научнаго одушевле .. Мы увѣрены вполнѣ, что тр и его новое многообѣщающе й дѣятельности автора — сочин Кіевской Руси» найдетъ свое ск

липповъ.

Кн. поступила. №320.
27/IV 15 г. изъ Комнаты
Его Величества.

2012401628